

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2012 № 1

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г.
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК
Минобрнауки России Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory
издательства Bowker,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Университет г. Лунд (Швеция), www.doaj.org

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Акчурин Р. Т. Государственная пенсионная система как основной инструмент финансирования реновации инфраструктуры крупных городов и национальных транспортных систем ... 3

Шкарин В. В., Бударин Г. Ю., Мальцева Н. А. Городские жители как пациенты: чем они недовольны? ... 13

ГОРОД И ВЛАСТЬ

Суслов А. А. Этнокультурные меньшинства и власть ... 21

Керсанов О. В. Территориальное самоуправление в гражданском обществе и административной системе ... 30

Доника А. Д., Засядкина Е. В., Руденко А. Ю. Женщина-менеджер в крупном промышленном городе ... 40

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Дягилева Н. С., Журавлева Л. А. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования ... 46

Олейников П. П., Шубина М. В. Школы довоенного Сталинграда ... 62

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 69

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашиков,
зам. председателя —
д-р экон. наук, проф. **М.К. Беляев**

Члены редсовета:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**,
канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**,
д-р техн. наук, проф. **В.Г. Диденко**,
д-р экон. наук, проф. **С.Н. Соколов**,
д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф.
В.И. Добренков,
д-р соц. наук, проф. **В.В. Деларю**,
д-р соц. наук **Г.Н. Ильина**,
д-р экон. наук, проф.
О.В. Максимчук,
д-р ист. наук, проф. **А.Н. Буров**,
д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**,
д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**,
д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова**,
д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Слышкин,
нач. РИО **М.Л. Песчаная**

Адрес редакции:

400074, Волгоград,
ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2011

© Потокина-Курилкина Т.М.,
дизайн обложки, 2008

Ссылка на журнал при цитировании
опубликованных в нем материалов
обязательна

CONTENTS

SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS CONTROL

Akchurin R.T. State pension system as prima tool of financing infrastructure
renewal of big towns and national transport systems ... **3**

Shkarin V. V., Budarin G. Yu., Maltseva N. L. Townspeople as patients:
what are they dissatisfied? ... **13**

A CITY AND POWER

Suslov A. A. Ethnocultural minorities and power ... **21**

Kersanov O. V. Territorial selector in civil society and administrative
system ... **30**

Donika A. D., Zasyadkina Ye. V., Rudenko A. Yu. Woman manager in large
industrial town ... **40**

ARCHITECTURAL SPACE OF MODERN CITY

Dyagleva N. S., Zhuravleva L. A. Town identity: concept, structure, bases
of formation ... **46**

Oleinikov P. P., Shubina M. V. Schools of prewar Stalingrad ... **62**

INFORMATION FOR AUTHORS

**Admission articles to the editors and the requirements for copyright
originals ... 69**

Вниманию авторов и читателей!

Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**,
и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.

По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2012 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25, 96-99-96

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/publishing/journals/city-sociology>)

УДК 330.322.3:331.25

Р. Т. Акчурин

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА
КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ
ФИНАНСИРОВАНИЯ
РЕНОВАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ
КРУПНЫХ ГОРОДОВ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ
ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ**

Рассматривается вопрос формирования бездефицитной государственной системы пенсионного обеспечения и создания механизмов целевого инвестирования пенсионных накоплений в долгосрочные инфраструктурные проекты с государственным контролем и государственным участием. Приводится сравнение с североамериканской, европейской и японской моделями, выделяются их достоинства и недостатки. Предложены формы и схемы концентрации инвестиций на базе пенсионных накоплений в сфере инфраструктурного строительства в РФ.

Ключевые слова:

пенсионная реформа,
пенсионный возраст,
инфраструктурные проекты,
инвестиции.

R. T. Akchurin

**STATE PENSION SYSTEM
AS PRIMA TOOL OF FINANCING
INFRASTRUCTURE RENEWAL
OF BIG TOWNS AND NATIONAL
TRANSPORT SYSTEMS**

The question about formation of debt-neutral public retirement system and works creation of purposeful investment of pension accruals in long-term infrastructure projects with state control and state participation is considered. The comparison with North American, European and Japanese modes is indicated. Their merits and demerits are shown. Concentration forms and schemes of investment on the base of pension accruals in infrastructure construction in RF are offered.

Считается, что социальная сфера страны является основным источником расходов государственного бюджета. Концентрация финансовых средств в здравоохранении, образовании и пенсионной системе сопоставима с таковой в промышленности. Использование этих средств для развития эффективной инфраструктуры, стимулирования долгосрочных программ развития целых отраслей предполагает привлечение долгосрочных активов, формирование целевых коридоров их использования. На первом этапе создания системы финансирования инфраструктурных проектов предполагается использование реально накопленных пенсионных активов и соответствующая трансформация пенсионной системы.

Если в начале 2010 г. в России соотношение пенсионер — работник было 1:3, то к 2020 г. это же соотношение будет 1:2. Получатели пенсий всех категорий в России в 2010 г. составляли 28 % населения¹. Это гораздо больше, чем в Западной Европе: в Германии этот же показатель равен 20 %, в Великобритании — 18 %, в Италии — 17 %. Средний возраст выхода на пенсию в России с учетом пенсий отдельных категорий населения, имеющих право досрочного выхода, для женщин 52 года, для мужчин 56 лет.

Предполагается, что даже в развитых и относительно благополучных государствах система обязательного (государственного) пенсионного обеспечения в ближайшее время не будет покрывать прожиточного минимума. Как видим, объективные условия в России существенно хуже, чем у ее европейских соседей.

Не меньшую социальную нагрузку образуют несовершеннолетние нетрудоспособные граждане. На начало 2010 г. число детей по отношению к трудоспособным гражданам составляло 2,6, тогда как к 2020 г., при благоприятной социальной политике, оно может быть 3,5—3,7.

Проблема стремительного старения населения затрагивает многие государства, в частности все страны Западной Европы. Количество лиц старше 60 лет растет на 2,6 % в год. К 2050 г. ожидается, что таких лиц будет свыше 2 млрд в составе населения Земли.

¹ Отчет об исполнении государственного бюджета РФ, ПФР, ФСС, ФФОМС. Федеральный закон от 06.10.2011 г. № 267-ФЗ.

Key words:

pension reform,
pension age,
infrastructure projects,
investments.

При этом резкий рост продолжительности жизни, характерный для развитых капиталистических стран, нас еще не коснулся. Хотя, например, средняя продолжительность жизни в Москве в 2010 г. была 73,6 г., что близко к европейским показателям. В целом по России этот показатель ниже. С учетом того, что в России до 35 % мужчин не доживают до пенсионного возраста, фактическая пенсионная нагрузка на экономику существенно возрастает. В России средняя продолжительность жизни ниже, чем в развитых странах. Однако этот показатель не должен влиять на установление порога пенсионного возраста, потому что относительно низкая продолжительность жизни россиян обусловлена высоким уровнем смертности в трудоспособном возрасте лиц, формирующих текущий бюджет пенсионных фондов. Среди причин смертности доминируют проблемы социального характера: высочайший уровень тяжких преступлений, наркомания, алкоголизм. А вот средняя ожидаемая продолжительность жизни после наступления пенсионного возраста (так называемый «период дожития») в России сопоставим, например, с США: 15 лет у мужчин, 25 лет у женщин (в США 16 и 18 лет соответственно). При этом с учетом специализированных, профессиональных и досрочных пенсий средний возраст выхода на пенсию почти на 10 лет меньше у мужчин и на три года — у женщин. Дотационный характер формирования ПФР известен: лишь третья часть бюджета Фонда формируется за счет отчислений собственно в ПФР, остальные поступают из госбюджета.

Бюджет Пенсионного фонда РФ составил 6,3 % от объема ВВП по доходам в 2009 г. и 5,7 % по расходам. Тенденция роста дефицита Фонда продолжилась и далее. Дефицит Пенсионного фонда России превысил 5 % ВВП в 2010 г., и в ближайшее время не просматриваются источники его пополнения². В денежном выражении дефицит государственной пенсионной системы страны в 2011 г. превысил 875 млрд руб., по итогам 2012 г. ожидается дефицит уже 1 трлн 75 млрд руб., а к 2014 г. — свыше 3 трлн 300 млрд руб.

Об авторе:

Акчурин Ренат Талгатович —
доцент кафедры финансов,
бухгалтерского учета и аудита, ВолГАСУ,
phoenix0101@yandex.ru

Akchurin Renat Talgatevich —
assistant professor of finances,
business accounting and audit department,
VSUACE

² Из всех стран постсоветского пространства первой поднявшей пенсионный возраст, несмотря на нестабильную политическую ситуацию, стала Украина. Украина увеличила пенсионный возраст для женщин с 55 до 60 лет, а для мужчин с 60 до 62 лет.

Попытка финансирования резко возросших социальных трат — повышения пенсий, финансирования соцподдержки отдельных групп населения за счет соответствующих налогов на фонд заработной платы — как показали итоги 2011 г., не привела к положительным результатам. Повышение налоговой нагрузки на зарплатную часть в виде ЕСН негативно сказалось на бюджетных сборах и одновременно резко ухудшило экономические показатели компаний, работающих в сфере услуг, исследований и разработок, поскольку доля заработной платы в их расходах значительно выше, чем, например, в добывающих и обрабатывающих отраслях.

По итогам 2011 г. объем налогов в ВВП составил 35,6 %, показав рост с 32,3 % в 2010 г. — при этом рост платежей за счет соцналога не наблюдался вообще, сохранившись на уровне предыдущего года. Это говорит о том, что фискальная составляющая пенсионного финансирования достигла своего максимального предела.

Не только в массовом сознании, но и среди специалистов существует ряд заблуждений в отношении некоторых современных капиталистических государств, имеющих развитую социальную инфраструктуру. Эти заблуждения основываются как на устаревших, так и на изначально сложившихся неверных представлениях, например в отношении незначительности социальной нагрузки на экономику в наиболее передовых государствах. Так, в качестве одного из примеров состоявшегося патерналистского государства приводят Японию.

По состоянию на середину 2009 г. треть населения Японии старше 65 лет. Низкая рождаемость и высокая продолжительность жизни вкупе с завышенными финансовыми обязательствами государственного и частного характера отягощают экономику: сложившаяся практика сохранения трудовой активности и после достижения работниками пенсионного возраста формирует специфическую среду принятия решений и функционирования компаний, вызывает десоциализацию ряда молодых работников, не имеющих кратко- и даже среднесрочных перспектив персонального карьерного роста. При этом в самой Японии сектор трудовых ресурсов, не имеющих страховок и постоянного места работы, превышает треть трудоспособного населения. Эта часть трудовых ресурсов особенно выделяется в стране наряду с широко распространенной практикой «пожизненного найма», сниженной общественной мобильностью, что приводит к значительным социальным перекосам. При этом политически крайне сложно повысить пенсионный возраст, т. к. именно высокая доля политически активного пожилого электората блокирует подобные решения там, где они более всего необходимы³. Но повышение уровня пенсионного возраста существенно снижает социальную мобильность общества, при этом нагрузка на молодых сотрудников возрастает еще больше, поскольку пожилые руководители, за редким исключением, формируют собственную корпоративную культуру, перегруженную формальными атрибутами и крайне далекую от современных вызовов.

---

³ Мы не рассматриваем здесь радикальные предложения по лишению права голоса людей по достижении ими 75-летия и предоставлению дополнительного права голоса на ребенка матерям.

Именно повышенная социальная нагрузка на экономику является одним из явных препятствий опережающему экономическому росту. Япония в этом плане наиболее явный пример: «потерянные 90-е» сменились такими же «потерянными нулевыми»: среднегодовой прирост ВВП в Японии с 2000 по 2010 гг. не превысил 1,25 %, тогда как в США этот же показатель был на уровне 2,6 %. Однако мало кто знает, что рост ВВП на одного рабочего в Японии за это же время был не ниже аналогичного показателя в США — 2,5 %. Почти двукратная разница в темпах роста во многом обусловлена повышенными по сравнению с США затратами на пенсионное обеспечение. Полуторкратный прирост числа пенсионеров в Японии за это же время резко увеличил социальную нагрузку на экономику, что привело к относительной стагнации. Экспорт необеспеченных денежных средств Японией не осуществляется, и вообще страна практически выпала из «гонки печатных станков», которую демонстрируют евро и доллар. В результате социальная нагрузка на экономику избыточна, при этом она такова, что, в отличие от классических кейнсианских моделей, не обеспечивает инновационного роста. Текущие социальные расходы не продуцируют инновационных цепочек, и большая часть роста проедается. На фоне подобной ситуации стабильное укрепление иены вызвано не впечатляющими успехами экономики Японии, а параллельным ослаблением двух ведущих мировых валют: евро и доллара.

Ряд государств плавно уходит от повышенной социальной нагрузки на экономику, чтобы не ухудшать состояние государственных финансов до неприемлемого уровня, такого, какой на рубеже 2010-х гг. демонстрирует Греция. В первую очередь политика снижения затрат проявляется в Скандинавии. В 1990 г. Швеция занимала первое место в Европе по расходам на здравоохранение, в 2007 г. — 13-е. Снижение социально-долговой нагрузки на экономику стран Северной Европы позволяет поддерживать баланс между нагрузкой на экономику и финансовым положением населения. Уровень бедности населения в размере до 10 % в Скандинавии приемлем по сравнению с 25—30 % в странах Европейского Средиземноморья. Во многом это достигается снижением социальной нагрузки на реальный сектор и, как следствие, сохранением конкурентоспособности и занятости.

Похожая на японскую ситуация, только чуть позже, ждет и другие развитые капиталистические страны — США и государства Евросоюза: 1,5 работника на одного пенсионера к 2050 г. На фоне роста продолжительности жизни и увеличения доли пенсионеров в числе жителей социальные затраты большинства развитых государств становятся абсолютно чрезмерными. Мировой всплеск рождаемости середины прошлого века обеспечивает резкий прирост числа пенсионеров. Большинство экономистов понимают опасность развития в условиях перегруженных социальными нагрузками бюджетов и говорят о необходимости повышения пенсионного возраста. Для Европы конечной целью в краткосрочном периоде является повсеместное повышение пенсионного возраста до 67—69 лет — т. е. чуть ниже «психологической отметки» в 70 лет. Учитывая вал долговых проблем стран Южной Европы, можно ожидать не только роста пенсионного возраста, но и одновременного снижения размеров пенсий.

Пенсионный коэффициент замещения в последний год существования СССР был равен 0,37. Напомним, что классический коэффициент замещения

оценивается через пенсию по старости. За 2010 г. он же составил 0,36. Это, в принципе, коррелирует со сложившейся мировой практикой. К стандартам соцобеспечения Международной организации труда относится, в том числе, норма, предполагающая пенсионную компенсацию работнику с 30-летним стажем 40 % утраченного по выходе на пенсию заработка.

Существующая модель пенсионного обеспечения в России является одним из элементов, в значительной степени ограничивающим развитие экономики России. Дотационность Пенсионного фонда приводит к тому, что накопленные пенсионные активы не используются в долгосрочных инфраструктурных проектах, направляясь сразу на выплату пенсий без предварительного инвестирования в экономику, тогда как именно долгосрочные инвестиции наиболее благоприятно сказываются на развитии промышленного потенциала государства. Избыток финансовых активов, который можно наблюдать в мировой экономике в целом, сформирован за счет «коротких» спекулятивных средств, производных инструментов и самостоятельно, без агрегирования, инструментом инвестиций в реальный сектор быть не может. Более того, самостоятельно спекулятивный капитал обеспечивает отток средств из реального сектора в случае образования «пузыря», особенно на этапе резкого роста процентных ставок на инвестированные средства в зоне «пузыря». Поэтому индустриальный и инфраструктурный секторы экономики испытывают постоянный дефицит «длинных» денежных средств. Не связанные спекулятивными механизмами, такие сугубо инвестиционные ресурсы в минимальной степени влияют на увеличение потребительской инфляции, в то же время обеспечивая развитие крупных системных проектов. Отсутствие свободных долгосрочных финансовых средств не позволяет реализовывать крупные проекты, а именно они дают возможность формировать эффективную инфраструктуру либо технологически прорывные производственные цепочки. Отсутствие «длинных» неспекулятивных денег особенно ярко проявляется на фоне недостаточной развитости транспортной инфраструктуры, энергетики, социального жилищного строительства. Например, Транспортная стратегия РФ до 2030 г. предусматривает вложения в инфраструктуру в сумме 170 трлн руб., Стратегия развития железнодорожного транспорта — 12 трлн руб.

Практика показывает, что современная модель возврата инвестиций существенно сложнее расчета простого срока окупаемости. Инвестируемые пенсионные средства через один-два экономических цикла могут просто «испариться» в виде убытков получателя инвестиционных средств. Если сравнить инвестиционную политику американских пенсионных и страховых компаний, то видно, что именно они являются своеобразным механизмом ликвидации «лишних» накоплений незащищенных категорий инвесторов. В результате ряда последних финансовых кризисов произошло резкое снижение объемов активов именно пенсионных фондов и страховых компаний, причем последующего восстановления авуаров полностью не наблюдалось. В частности, свыше 92 % пенсионных фондов в США имеют объем обязательств, на 30—50 % превышающий совокупную стоимость активов⁴. Суверенные дефолты также, в основном, приводят к потере именно пенсионных

---

⁴ Это мягкая позиция автора. На практике отчеты аудиторских компаний и позиция таких экономистов, как Нуриэль Рубини, рисуют менее оптимистичную картину.

активов, сконсолидированных и направленных на приобретение государственных ценных бумаг. Но при наличии избыточных денежных средств и различных финансовых инструментов, номинированных в свободно обращающихся валютах, периодические финансовые кризисы снижают ликвидность в мировой экономике, защищая ее в целом от «перегрева». Пенсионные средства и институализированные деньги частных инвесторов оказались наименее защищенной частью мировых накоплений, «сгорая» в значительных объемах в кризисные периоды. При этом потеря пенсионных средств в развитых экономиках, в первую очередь в США, объясняется отсутствием серьезных ограничений по направлениям инвестирования пенсионных накоплений и отсутствием эффективных долгосрочных проектов, рассчитанных на весь объем накопленных долгосрочных активов.

Сформировавшаяся с середины XX в. доктрина о государственных обязательствах как об эталоне надежности, несмотря на неоднократные дефолты и реструктуризации, сохраняет свою привлекательность при управлении средствами государственных и негосударственных пенсионных фондов, суверенных фондов и средств консервативных инвесторов. Несмотря на аналитические выкладки У. Брэдока Хикмана, Т. Р. Аткинсона и их блестящую практическую реализацию Майклом Милкеном, так называемые «консервативные инвесторы» практически не рассматривали корпоративные ценные бумаги. Основным источником вложений — государственные обязательства. К сожалению, дефолты характерны не только для стран Южной Америки, но и весьма вероятны среди благополучных участников G20. Более того, требования к устойчивости госфинансов, сформированные различными наднациональными организациями (например, Маастрихтские соглашения), не выполняются, как правило, вообще ни одним участником организации.

Современные финансовые операции в состоянии в кратчайший срок вызвать дефицит текущей ликвидности и, если у страны нет свободных денежных средств, за счет планомерного роста стоимости обслуживания суверенного долга привести страну к дефолту. Эта сейчас происходит в странах Южной Европы и может распространиться далее. Очевидным является то, что долгосрочные и консервативные инвестиции в государственные ценные бумаги большинства стран в ближайшие годы нецелесообразны.

Для того чтобы обеспечить развитие экономики на долгосрочных финансовых ресурсах, мобилизовать накопления, необходимо, очевидно, стартовый механизм. Как представляется, наиболее приемлемым для всех может быть реальное накопление средств Пенсионного фонда и целевое их инвестирование. Еще в 2005—2007 гг. предлагались различные механизмы использования средств ПФР. Так, Внешэкономбанк и Сбербанк⁵ совместно предложили использовать часть пенсионных накоплений, которые будут востребованы за пределами 2020 г., и под них выпускать инфраструктурные облигации. При этом рассматривался вариант создания инфраструктурного фонда. Предполагалась схема, в соответствии с которой пенсионные активы вкладывались бы в специальные инфраструктурные облигации, эмитентом которых являлся бы специализированный инфраструктурный фонд.

---

⁵ Только на 1 января 2008 г. под управлением ВЭБа находилось свыше 360 млрд руб. «длинных» пенсионных накоплений.

Схема инвестирования в инфраструктуру эффективна в том случае, когда существует долгосрочный механизм, сочетающий в себе отсутствие конъюнктурных рисков и долгосрочную эффективность актива. Объект инвестиций, таким образом, должен являться консервативным и иметь длинный жизненный цикл, минимально зависящий от смены технологического уклада. В частности, неприемлемыми для долгосрочных инвестиций выглядят объекты связи, информатики, не говоря уже об инновационных проектах, поскольку жизненный цикл у таких проектов крайне мал и наблюдается устойчивая тенденция по еще большему его сокращению.

Таким образом, для обеспечения долгосрочного инвестирования пенсионных и иных приравняваемых к ним активов в развитие инфраструктуры в РФ необходимо решение ряда взаимосвязанных задач, которые условно можно разделить на две основные группы.

Первая группа задач объединена вокруг основной цели — формирование бездефицитного Пенсионного фонда, для того чтобы долгосрочные пенсионные средства превратились из виртуальных в реальные. Более того, необходимо обеспечить их постоянный прирост. Очевидно, что, несмотря на политическую непопулярность, повышение пенсионного возраста в стране является необходимым и приоритетным мероприятием. Кроме того, значительные пенсионные нагрузки вне существующей государственной пенсионной системы сформированы на муниципальном и региональном уровнях. Уровень пенсионных выплат муниципальным служащим в соответствии с местными нормативно-правовыми актами в совокупности превышает 1 % ВВП страны, а прирост таких расходов существенно опережает реальный рост пенсионных платежей в среднем по стране.

Очевидно необходимым может явиться перераспределение части средств Резервного фонда страны в Пенсионный фонд России. Такой шаг приблизит российский резервный фонд по модели к общепризнанному наиболее эффективному — норвежскому, который весь, по сути, представляет собой пенсионный фонд. Однако перераспределение части средств Резервного фонда в ПФР в нашем случае преследует иную цель — в совокупности с пенсионной реформой выйти из нарастающего дефицита ПФР, сформировать реальные текущие накопления и обеспечить инвестиционное воспроизводство пенсионных накоплений.

Таким образом, формирование бездефицитного пенсионного фонда обеспечивает реальные долгосрочные инвестиционные источники, для которых приоритетом является безрисковость вложений. Вторая группа задач и состоит в определении таких направлений инвестирования средств, которые в наибольшей степени соответствуют характеру накоплений.

Основными принципами, помимо вышеназванной безрисковости, представляются следующие:

долгосрочность, определяемая как возможность получения выгоды в течение длительного периода (10—20 и более лет);

малая принудительная мобильность, т. е. отсутствие прямой необходимости смены объекта инвестиций ввиду короткого жизненного цикла проекта;

особые формы оформления пенсионных инвестиций, обеспечивающие контроль, возвратность и ликвидность вложения средств.

На сегодняшний день такие специализированные механизмы в целом отсутствуют, исключение составляют законодательство о концессионных соглашениях (Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ) и региональные нормативные акты о частно-государственных партнерствах. Потребность же в юридическом оформлении долгосрочных инвестиций с максимальной защитой средств инвесторов очень высока. Представляется крайне важным выработать систему специализированных механизмов размещения пенсионных средств таким образом, чтобы эти инвестиции отвечали двум основным требованиям: сохранности и долгосрочной доходности.

На наш взгляд, наиболее отвечающими требованиям являются крупные инфраструктурные проекты в сфере развития автомобильных и железных дорог, строительства мостовых переходов. Это долгосрочные проекты в относительно консервативной сфере экономики, в отличие, например, от тоже инфраструктурных, но более зависящих от смены технологий проектов в сфере связи, энергоснабжения (энергостроительная отрасль представляется отдельным проектом, особенно на фоне конкуренции моделей дальнейшего развития), транспорта.

В рамках существующей правовой модели возможна реализация нескольких форм взаимодействия с государством через концессионные соглашения: BOO (строю — владею — являюсь оператором), BOT (строю — являюсь оператором — передаю), DBFO (проектирую — строю — финансирую — являюсь оператором) и т. д.⁶ В то же время пока законодательно закреплена лишь одна из форм реализации схемы ГЧП и, если рассматривать шире, ПЧП (публично-частное партнерство) минимально универсального характера. Механизмов, нацеленных на функционирование пенсионных активов, причем с пользой для инфраструктурного развития, как таковых на нормативно-правовом уровне пока не сформировано.

На наш взгляд, на государственном уровне можно реализовать программы инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, главным образом в сфере транспортного обеспечения, с преимущественным участием государства на всех этапах проекта, но с созданием, отработкой и использованием сугубо рыночных механизмов его осуществления.

Практика последних лет показала, что в случае необходимости государство в состоянии создавать специализированные субъекты хозяйственного права, фиксируя их правосубъектность особыми законами. В частности, государственные корпорации — один из наиболее ярких примеров имплементированных в гражданское право новаций. Несмотря на значительный объем критики в отношении государственных корпораций как специфических субъектов права, был создан и реализован реальный механизм развития, использующий часть промышленного потенциала страны и обеспечивающий необходимую защищенность от внешних факторов для проведения структурных реформ и формирования производственных цепочек и отраслевой кооперации.

На начальном этапе формирования реального работающего пенсионного капитала представляется целесообразным сформировать максимально огосу-

---

⁶ От английских сочетаний: BOO: Build — Own — Operate; BOOT: Build — Own — Operate — Transfer и др.

дарственную цепочку в виде государственный инвестор (пенсионный фонд) — инфраструктурная компания-оператор (государственная компания) — государственная финансовая организация (эмитент ценных бумаг). Эта модель позволяет обеспечить реальный процесс инвестирования в инфраструктуру, сформировать механизм возврата средств и в дальнейшем сформировать систему финансирования инфраструктуры за счет не только управляемых государством пенсионных накоплений, но и иных источников неспекулятивного характера.

Еще одной важной особенностью крупных инфраструктурных проектов является, зачастую, невозможность добиться их «лобовой» окупаемости. Затраты на инфраструктурные проекты в большинстве случаев не покрываются прямыми выплатами от непосредственных пользователей инфраструктурными объектами. Это связано с тем, что любой крупный инфраструктурный объект всегда является общественным благом, а число действительных выгодоприобретателей от функционирования этого общественного блага многократно выше, чем реальных плательщиков-пользователей.

Более того, плата за пользование многими инфраструктурными объектами может не покрывать даже текущих расходов на их содержание, не говоря уже о возвратности средств, однако это не является однозначным признаком не востребоваемости объекта. Возможно, им продуцируются такие улучшения инфраструктуры, которые сейчас или в перспективе качественно изменят макроэкономические показатели территории. Поэтому оценивать инфраструктурные объекты как источники чисто рентного долгосрочного дохода также неправильно. В качестве примера можно привести Транссиб или БАМ, окупаемость которых с точки зрения прямых платежей пользователей даже гипотетически оценить невозможно, в то же время их влияние на развитие Дальнего Востока и Сибири является определяющим. Эти проекты, будь они запущены по классической концессионно-заемной схеме, вероятно, не окупились бы никогда, поскольку аналогичные примеры частного инвестирования в инфраструктуру во всем мире демонстрировали свою несостоятельность. Если говорить о новейшей истории России, то наиболее яркий пример — первая попытка строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, предпринятая в 1990-е гг. Напомним, что под строительство и эксплуатацию высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва — Санкт-Петербург было создано ПАО «ВСМ». Компания была ликвидирована через процедуру банкротства.

Аналогичный пример реализации инфраструктурного проекта на частные деньги из зарубежной практики — строительство тоннеля под Ла-Маншем. Проект стоимостью свыше десяти миллиардов долларов был (в отличие от проекта ПАО «ВСМ») успешно реализован частным оператором — транснациональным концерном Eurotunnel SA. Однако стоимость строительства и текущие затраты на туннель не позволили обеспечить рентабельность проекта, и через 12 лет после пуска проекта концерн был ликвидирован также через процедуру банкротства. В перечне причин, приведших к неплатежеспособности Eurotunnel SA, называют и существенное (2,5 раза) превышение фактических затрат над сметной стоимостью проекта, и недостаточный трафик, и неблагоприятное формирование валютных курсов в среднесрочном периоде, произошедшее с момента пуска тоннеля в 1994 г.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации, когда рынки находятся в долгосрочной фазе турбулентности, а волатильность всех финансовых инструментов крайне высока и непрогнозируема по тренду, важно обеспечить безрисковость и прогнозируемый возврат вложений, с учетом, в том числе, и отсутствия прямой экономической эффективности от инвестиций в инфраструктурные объекты. Это, безусловно, потребует от государства проведения более тщательной и глубокой экономической экспертизы каждого предлагаемого к реализации инфраструктурного проекта. Многопрофильная экспертиза и широкое общественное обсуждение проектов позволяют уменьшить количество неэффективных проектов. Очевидно, что для обеспечения возвратности по проекту целесообразно формирование особого механизма, охватывающего как деятельность собственника и оператора инфраструктурного объекта, так и способы оформления вложений.

© Акчурин Р. Т., 2012

*Поступила в редакцию
в марте 2012 г.*

УДК 316.334.56:616-052

**В. В. Шкарин, Г. Ю. Бударин,
Н. Л. Мальцева****ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ
КАК ПАЦИЕНТЫ:
ЧЕМ ОНИ НЕДОВОЛЬНЫ?**

Проведен сравнительный анализ поступивших в Комитет по здравоохранению администрации Волгоградской области (Комитет по здравоохранению) письменных обращений жителей города и села. Установлено, что большая часть заявлений в течение 2011 г. поступила из вышестоящих организаций и непосредственно от горожан, получающих пенсию по возрасту и имеющих ограниченные возможности. Проведен анализ структуры удовлетворенности качеством медицинской помощи (КМП) методом анкетирования 125 госпитализированных больных.

Ключевые слова:

Комитет по здравоохранению, письменные обращения, жалобы, удовлетворенность пациентов, качество медицинской помощи, стационар.

**V. V. Shkarin, G. Yu. Budarin,
N. L. Maltseva****CITY DWELLERS AS PATIENTS:
THAN THEY ARE DISSATISFIED?**

A comparative analysis of the written requests received by the Health Committee of Administration of Volgograd region (Health Committee) from townspeople and countrymen was carried out. It was found that most of the requests received in 2011 came from the parent organizations and directly from the townspeople who receive retirement pension and those with limited abilities. In the present study the structure of satisfaction with the quality of health care (QHC) was analyzed by surveying 125 in-patients.

Key words:

Health Committee, written requests and complaints, patient satisfaction, quality of health care, hospital.

Несмотря на многочисленные меры, принимаемые как федеральным правительством, так и муниципальными властями, поток жалоб, поступающих в Комитет по здравоохранению Волгоградской области, имеет тенденцию к увеличению. Так, в течение 2011 г. зарегистрировано 3928 обращений, что на 29,5 % (895 заявлений) выше, чем в 2010 г. (3033 обращения) [1]. Письменные обращения в Комитет по здравоохранению поступали непосредственно от заявителей, вышестоящих организаций или других инстанций (табл. 1).

Таблица 1
Сравнительный анализ источников письменных обращений, поступивших в Комитет по здравоохранению, за период 2010–2011 гг.

Источник обращения	Число обращений	
	2010 г.	2011 г.
Вышестоящие инстанции	943 (31,1)	2569 (65,4)
Минздравсоцразвития России, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию	267 (8,81)	756 (19,25)
Администрация Волгоградской области	341 (11,25)	1283 (32,66)
Волгоградская областная дума	283 (9,33)	196 (4,3)
Государственная дума	64 (2,11)	32 (0,81)
Правоохранительные органы	190 (6,27)	302 (7,69)
Непосредственно в Комитет по здравоохранению	1028 (33,9)	894 (22,76)
Другие инстанции	860 (28,36)	465 (11,84)
Всего	3033	3928

Примечание: в скобках указаны проценты.

Большинство граждан, направивших письменные обращения в 2011 г., являются пенсионерами по возрасту (34,55 %) и гражданами с ограниченными возможностями здоровья (32,33 %), в том числе инвалидами и участниками войны (10,1 %), инвалидами труда (10,8 %), инвалидами с детства (1,2 %), участниками и инвалидами аварии на ЧАЭС (9,11 %). Более 13 % (521 чел.) обратившихся составили семьи, воспитывающие детей, в том числе многодетные семьи (7,2 %; 283 чел.), неполные семьи (3,92 %; 154 чел.) и одинокие матери (2,14 %; 84 чел.),

(13,26 %; 521 чел.). Реже обращались в Комитет по здравоохранению такие категории граждан, как работающие (служащие, военнослужащие) — 8,91 % (350 чел.), вдовы и члены семей погибших военнослужащих — 0,48 % (19 чел.), безработные граждане — 3,54 % (139 чел.) и др.

Увеличилось в 2011 г. число обращений, поступивших, но не принятых к рассмотрению: если в 2010 г. получено 72 подобных заявления, то в течение отчетного периода — 138 (табл. 2). При этом сократилось количество заявлений неясного содержания (с 17 до 10 соответственно), анонимных (с 18 до 13 соответственно) или требующих дополнительных документов (с 8 до 6 соответственно).

Таблица 2
Сравнительный анализ письменных обращений, не принятых к рассмотрению, за период 2010–2011 гг.

Наименование письменных обращений граждан	Количество обращений	
	2010 г.	2011 г.
Поступившие не по принадлежности	21	22
Неясного содержания	17	10
Возврат документов	1	5
Письмо-благодарность	1	63
Заявления-отзывы	1	12
Анонимные	18	13
Отозванные заявления	5	7
Предоставление дополнительных документов	8	6
Итого	72	138

В 2011 г., как и в предыдущие периоды, письменные обращения поступали со всех районов Волгоградской области. Но имеется существенное отличие в количестве жалоб пациентов-горожан и пациентов — сельских жителей. Большая часть письменных обращений поступила от жителей областного центра (47,61 %) и г. Волжского (7,87 %) и только 44,52 % — от жителей сельских районов (табл. 3).

Чем же недовольны горожане? Статистический анализ тематики обращений не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос, хотя он необходим для проведения более глубокого исследования. Поводами для обращения горожан в областной Комитет по здравоохранению за период 2010–2011 гг. явились различные вопросы (табл. 4).

Об авторах:

Шкарин Владимир Вячеславович — кандидат медицинских наук, доцент, глава Комитета по здравоохранению администрации Волгоградской области

Shkarin Vladimir Vyacheslavovich — Candidate of Medical Science, Assistant Professor, chief of Health care Committee of Volgograd Region administration

Бударин Глеб Юрьевич — кандидат социологических наук, зам. главного редактора журнала «Социальное и пенсионное право» (Москва)

Budarin Gleb Yurevich — Candidate of Sociological Science, deputy chief editor of "Social and retiring right" magazine (Moscow)

Мальцева Наталия Львовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет, (8442)38-53-25, nanised@mail.ru

Maltseva Nataliya Lvovna — Doctor of Philosophic Sciences, professor of bioethics and right department with medical sociology course, Volgograd State Medical University (VSMU)

Таблица 3

Сравнительный анализ письменных обращений, поступивших от граждан районов Волгоградской области, за период 2010–2011 гг.

Наименование районов	Количество поступивших писем		Процентное соотношение к числу обратившихся		Процентное соотношение населения района к населению области	
	2010 г.	2011 г.	2010 г.	2011 г.	2010 г.	2011 г.
г. Волгоград	1174	1870	38,71	47,61	38,71	47,61
г. Волжский	308	309	10,15	7,87	10,15	7,87
Алексеевский	26	24	0,86	0,61	0,86	0,61
Быковский	37	30	1,22	0,76	1,22	0,76
Городищенский	93	85	3,07	2,16	3,07	2,16
Даниловский	12	13	0,4	0,33	0,4	0,33
Дубовский	57	50	1,88	1,27	1,88	1,27
Еланский	27	23	0,89	0,59	0,89	0,59
Жирновский	24	35	0,79	0,89	0,79	0,89
Иловлинский	65	43	2,14	1,09	2,14	1,09
Калачевский	86	61	2,84	1,55	2,84	1,55
Камышинский	179	138	5,9	3,51	5,9	3,51
Киквидзенский	8	6	0,26	0,15	0,26	0,15
Клетский	10	15	0,33	0,38	0,33	0,38
Котельниковский	34	54	1,12	1,37	1,12	1,37
Котовский	37	43	1,22	1,09	1,22	1,09
Кумылженский	15	42	0,49	1,06	0,49	1,06
Ленинский	38	54	1,25	1,37	1,25	1,37
Михайловский	87	87	2,87	2,21	2,87	2,21
Нехаевский	18	32	5,94	0,81	5,94	0,81
Николаевский	26	38	0,86	0,97	0,86	0,97
Новоаннинский	37	43	1,22	1,09	1,22	1,09
Новониколаевский	14	40	0,46	1,02	0,46	1,02
Октябрьский	19	21	0,63	0,53	0,63	0,53
Ольховский	7	12	0,23	0,31	0,23	0,31
Палласовский	48	50	1,58	1,27	1,58	1,27
Руднянский	31	28	1,02	0,71	1,02	0,71
Светлоярский	48	53	1,58	1,35	1,58	1,35
Серафимовичский	51	16	1,68	0,41	1,68	0,41
Среднеахтубинский	84	84	2,77	2,14	2,77	2,14
Старополтавский	10	20	0,33	0,51	0,33	0,51
Суровикинский	52	35	1,71	0,89	1,71	0,89
Урюпинский	80	78	2,64	1,99	2,64	1,99
Фроловский	72	73	2,37	1,86	2,37	1,86
Чернышковский	18	33	0,59	0,84	0,59	0,84

Как следует из табл. 4, наиболее частыми причинами для обращения горожан в Комитет по здравоохранению в течение 2011 г. стали вопросы медицинской помощи — 58,53 % обращений — и лекарственного обеспечения — 20,29 % обращений. Аналогичные показатели в 2010 г. оказались равными 51,77 и 10,85 % соответственно.

Сравнительный анализ причин письменных обращений, поступивших в Комитет по здравоохранению, за период 2010–2011 гг.

Тематика обращений граждан	Количество поступивших писем, %	
	2010 г.	2011 г.
1. Медицинская помощь, в том числе:	51,77	58,53
1.1 по вопросам организации медицинской помощи, в том числе:	1,72	40,66
по вопросу организации консультаций, диагностических обследований	2,44	11,0
по вопросу организации санаторно-курортного лечения	1,65	61,76
по вопросу организации оплаты лечения	12,01	12,45
по вопросу организации зубопротезирования	2,05	1,68
по вопросу организации психиатрической помощи	2,61	1,88
по вопросу организации медицинской помощи при профессиональных заболеваниях	0,37	0,05
1.2. по вопросам контроля качества медицинской помощи, в том числе:	4,95	15,43
запрос о проведении служебной проверки	1,82	2,83
по факту смерти (летального исхода)	2,64	2,52
по вопросу нарушения Территориальной программы государственных гарантий оказания населению Волгоградской области бесплатной медицинской помощи	1,32	1,48
по вопросу несогласия с заключением медицинских работников	1,16	0,97
2. Лекарственное обеспечение	10,85	20,29
3. Кадровый вопрос	2,58	1,83
4. Вопросы лицензирования	0,76	0,51
5. Вопросы деонтологии и врачебной этики	70,23	0,33
6. Несогласие с действиями администрации медицинского учреждения	1,59	1,48
7. Оплата труда	2,31	2,7
8. Несогласие с ответом	1,55	1,12
9. Материально-техническое обеспечение	2,08	1,58
10. Вопросы, не входящие в компетенцию Комитета по здравоохранению, в том числе:	4,46	3,28
10.1. по вопросу медико-социальной экспертизы, в том числе:	5,41	2,32
по вопросу обеспечения техническими средствами реабилитации и протезно-ортопедическими изделиями, в том числе слуховыми аппаратами и др.	0,43	0,94
по вопросу инвалидности	2,94	2,52
10.2. по вопросу экспертизы временной нетрудоспособности (обоснованность выдачи листков нетрудоспособности)	0,93	0,48
11. Благодарность	2,38	1,6
12. Прочие вопросы	10,75	6,92

Как и в 2010 г., часто поднимаемыми в обращениях граждан в части медицинской помощи в 2011 г. также явились вопросы организации медицинской помощи (40,66 % от общего числа письменных обращений). На втором месте — контроль качества медицинской помощи (15,43 %). Также в наиболее многочисленную группу письменных заявлений вошли вопросы по организации оплаты лечения (12,45 %) и труда медицинских сотрудников (2,7 %). Как видим, претензии городских жителей весьма разнообразны, хотя и не равноценны в количественном отношении. Возникают вопросы: соответствует ли существующая система медицинского обслуживания в городе запросам его жителей? Отражает ли активность обращений в органы здравоохранения

недостатки самой системы или она является следствием большей информированности горожан и непосредственной близости их проживания к руководящим органам здравоохранения, облегчающей обращение к ним?

Мы провели исследование в городских стационарах, чтобы выяснить общую удовлетворенность пациентов-горожан медицинским обслуживанием. В исследование было включено 125 пациентов от 31 до 72 лет (средний возраст — $52,3 \pm 12,7$ лет), находившихся на стационарном лечении в 2010 г. в стационарах Волгограда. 87,2 % находившихся на момент опроса провели в больнице более 7 дней. Состав испытуемых представлен в табл. 5. Этическая экспертиза программы соответствовала требованиям [2].

Таблица 5

Возрастной и половой состав стационарных больных, $n = 125$

Пол	Количество	Возраст, годы			
		До 40	41—50	51—60	Свыше 60
Мужчины	44 (35,2)	1 (0,8)	10 (8,0)	21 (16,8)	13 (10,4)
Женщины	81 (64,8)	7 (5,6)	21 (16,8)	38 (30,4)	15 (12,0)
Всего	125 (100,0)	8 (6,4)	31 (24,8)	59 (47,2)	28 (22,4)

Примечание: в скобках указаны проценты.

Основная группа была представлена больными в возрасте старше 50 лет. Лица пожилого и старческого возраста составили 22,4 % (28 чел.). Большая часть обследуемых (64,8 % — 81 чел.) принадлежала лицам женского пола, явно преобладающим в старших возрастных группах. Устное и письменное согласие на участие в исследовании получено от каждого обследованного больного. Сбор статистического материала проводился с использованием анкеты пациента круглосуточного стационара, утвержденной приказом Комитета по здравоохранению администрации Волгоградской области от 02.07.2007 № 703, Волгоградского государственного медицинского университета от 02.07.2007 № 918-КМ, Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российская медицинская ассоциация», ТФОМС Волгоградской области от 03.07.2007 № 265, ГУ — Волгоградское РО ФСС Российской Федерации от 02.07.2007 № 2928 «О совершенствовании системы контроля качества медицинской помощи населению Волгоградской области». Данная анкета одобрена Региональным независимым этическим Комитетом ГБОУ ВПО ВолгГМУ Минздравсоцразвития России.

Удовлетворенность стационарной медицинской помощью оценивалась нами по 17 параметрам, характеризующим организацию работы больницы: своевременность выполнения назначений врача; регулярность осмотров врача; доверие профессионализму медицинского персонала; обеспеченность лекарственными препаратами, изделиями медицинского назначения, постельным бельем и питанием; санитарно-гигиенические условия; вежливость и внимательность медицинского персонала; соблюдение принципа бесплатности оказания медицинской помощи и общая оценка удовлетворенности от пребывания в больнице (совокупная удовлетворенность) и др. Оценка каждого из изучаемых параметров проводилась на основе специально разработанной оценочной 5-балльной шкалы: 1 балл — очень недоволен; 2 — нейтрален;

3 — в какой-то мере доволен; 4 — доволен; 5 — очень доволен. При ответе на каждый вопрос пациент мог выбрать лишь один из возможных вариантов ответа. Общая оценка удовлетворенности больных КМП по каждому из параметров рассчитывалась путем деления общей суммы полученных баллов всех тестируемых пациентов на их число. Общее число заполненных больными анкет равнялось 125. Статистическую обработку полученных данных проводили с использованием компьютерной программы «Статистика 5,5А».

Анализ удовлетворенности стационарной медицинской помощью по 17 параметрам, характеризующим организацию работы лечебно-профилактического учреждения, показал следующее (табл. 6).

Таблица 6

Результаты анкетирования пациентов круглосуточного стационара по параметрам, характеризующим организацию работы лечебно-профилактического учреждения

Показатель удовлетворенности	Число пациентов				
	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
Организация работы приемного покоя	37 (29,6)	38 (30,4)	22 (17,6)	13 (10,4)	15 (12,0)
Организация работы лаборатории	6 (4,8)	31 (24,8)	40 (32,0)	28 (22,4)	20 (16,0)
Своевременность выполнения назначений врача	47 (37,6)	21 (16,8)	22 (17,6)	22 (17,6)	13 (10,4)
Регулярность осмотров Вашим лечащим врачом	78 (62,4)	18 (14,4)	17 (13,6)	7 (5,6)	5 (4,0)
Ваше доверие профессионализму врачей	2 (1,6)	10 (8,0)	18 (14,4)	70 (56,0)	25 (20,0)
Ваше доверие профессионализму среднего медицинского персонала	5 (4,0)	21 (16,8)	41 (32,8)	78 (62,4)	1 (0,8)
Обеспеченность шприцами	0 (0)	0 (0)	25 (20,0)	73 (58,4)	27 (21,6)
Обеспеченность системами для переливания	0 (0)	2 (1,6)	43 (34,4)	68 (54,4)	12 (9,6)
Обеспеченность перевязочными материалами (вата, марля, бинты и др.)	0 (0)	107 (85,6)	74 (59,2)	31 (24,8)	2 (1,6)
Обеспеченность питанием	13 (10,4)	60 (48,0)	25 (20,0)	22 (17,6)	5 (4,0)
Обеспеченность постельным бельем	3 (2,4)	32 (25,6)	10 (8,0)	58 (46,4)	22 (17,6)
Санитарно-гигиенические условия стационара	81 (48,8)	32 (25,6)	5 (4,0)	7 (5,6)	0 (0)
Обеспеченность лекарственными препаратами	114 (91,2)	7 (5,6)	4 (3,2)	0 (0)	0 (0)
Вежливость и внимательность врачей	24 (19,2)	41 (32,8)	35 (28,0)	10 (8,0)	15 (12,0)
Вежливость и внимательность среднего медицинского персонала	38 (30,4)	30 (24,0)	44 (35,2)	5 (4,0)	8 (6,4)
Соблюдение принципа бесплатности оказания Вам медицинской помощи	34 (27,2)	8 (6,4)	11 (8,8)	26 (20,8)	46 (36,8)
Ваша удовлетворенность от пребывания в больнице	25 (20,0)	1 (0,8)	11 (8,8)	41 (32,8)	37 (29,6)

Примечание: в скобках указаны проценты.

На «хорошо» оценили своевременность выполнения назначений врача и регулярность осмотров лечащим врачом 17,6 % респондентов в первой группе и 10,4 % во второй. Частично довольны данными параметрами были 17,6 и 13,6 % респондентов соответственно в 1-й и 2-й группах. Наибольшее число опрошенных были недовольны указанными показателями организации стационара (37,6 и 62,4 % в 1-й и 2-й группах соответственно). На 2 балла оценили своевременность выполнения назначений врача и регулярность осмотров лечащим врачом 17,6 % респондентов первой группы и 13,6 % второй. Хорошее обеспечение питанием и постельным бельем отметили 17,6 % респондентов первой группы и 46,4 % второй. Не доверяли организации данных вопросов 10,4 и 2,4 % в двух группах соответственно, частично доверяли 8,0 и 20,0 % соответственно. Не определились в выборе ответов на заданные вопросы 25,6 и 25,6% респондента соответственно в 1-й и 2-й группах.

Наиболее сложным явился вопрос назначения медикаментозной терапии в стационаре (средний балл — $0,8 \pm 0,3$). Об этом свидетельствуют полученные данные. Очевидно, именно этот момент является наиболее сложным во взаимоотношениях врача и пациента. «Удовлетворительную» (3 балла), «неудовлетворительную» (2 балла) и «крайне неудовлетворительную» (1 балл) обеспеченность лекарственными препаратами в ходе стационарного пребывания отметили 3,2, 5,6 и 91,2 % лиц соответственно. Нельзя к тому же исключить, что представления врачей и пациентов о том, что и как обсуждать, существенно расходятся, как расходятся и их представления по ряду других важных проблем. По результатам выполненного исследования 28,0, 32,8 и 29,6 % пациентов оценили удовлетворенность от пребывания в больнице на 3, 4 и 5 баллов соответственно. Пятая часть опрошенных принципиально недовольна пребыванием в стационаре.

Таким образом, обнаружился ряд проблем, очевидно беспокоящих пациентов, но неадекватно оцениваемых их лечащими врачами. Из всех них процесс лекарственного обеспечения получил наиболее низкую оценку обследуемых пациентов, что соответствует и данным других исследований [3]. Кроме того, очевидно, что удовлетворенность пациента различными аспектами организации лечебного процесса в стационаре требует разработки универсального подхода к этой проблеме именно для городских жителей, которые проявили высокий уровень компетентности в вопросах оказания медицинской помощи. Можно сделать вывод, что степень удовлетворенности пациентов-горожан выше, чем степень их неудовлетворенности процессом лечения. В то же время они предъявляют более высокие требования к уровню медицинского обслуживания, чем, видимо, и объясняется большее количество жалоб, поступающих именно от жителей крупных городов. Нужно ли в связи с этим предпринимать какие-то специальные меры в работе муниципального здравоохранения? Видимо, да, но какие именно — можно выяснить только на основе новых социологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Годовой отчет Комитета по здравоохранению администрации Волгоградской области за 2010 г.
  2. *Седова Н. Н.* Зависимость независимых этических комитетов // Биоэтика. 2008. № 2. С. 14.
  3. *Гущин А. В., Потанова О. Н.* Динамика развития отношений врача и пациента в современных социально-экономических условиях // Биоэтика. 2011. № 2. С. 34.
-
1. Godovoi otchet Komiteta po zdravookhranenuyu administratsii Volgogradskoi oblasti za 2010 gr.
  2. *Sedova N. N.* Zavisimost nezavisimyykh eticheskikh komitetov // Bioetika. 2008. № 2. S. 14.
  3. *Gushchin A. V., Potapova O. N.* Dinamika razvitiya otnosheni vracha i patsienta v sovremennykh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh // Bioetika. 2011. № 2. S. 34.

© Шкарин В. В., Бударин Г. Ю., Мальцева Н. Л., 2012

*Поступила в редакцию
в феврале 2012 г.*

УДК 316.022.4

А. А. Суслов**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
МЕНЬШИНСТВА И ВЛАСТЬ**

Рассматриваются основные задачи, связанные с формированием установок этнической толерантности в общественном сознании населения Волгограда. Проанализированы основные механизмы и направления взаимодействия органов местного самоуправления с общественными организациями этнокультурных меньшинств.

Ключевые слова:

этнокультурные меньшинства, толерантность, органы местного самоуправления, государственная национальная политика, общественное сознание.

А. А. Suslov**ETHNOCULTURAL MINORITIES
AND POWER**

Primary problems which are associated with installations formation of the ethnic tolerance in public conscience of Volgograd population are considered. Basic mechanisms and directions of interaction of the local governments with social organizations of ethnocultural minority are analyzed.

Key words:

ethnocultural minority, tolerance, local governments, state national politics, public conscience.

Об авторе:

Суслов Алексей Александрович – кандидат философских наук, докторант кафедры политологии, Волгоградский государственный университет, sefirot@bk.ru

Suslov Alexei Alexandrovich – Candidate of Philosophy Science, postdoctoral student of politology department, Volgograd State University

События последних десятилетий свидетельствуют о том, что сфера межэтнических отношений оказывается наиболее чувствительной к происходящим политическим и социально-экономическим изменениям в стране. Коренным образом изменившиеся принципы общественных отношений привели к тому, что в России значительно возросло этническое самосознание народов, а этносоциальный фактор стал играть заметную роль в общественно-политической жизни общества. Этому способствовала, прежде всего, демократизация общественной жизни, формирование свободы мысли и волеизъявления, а также создание открытого информационного пространства.

Вопросы межэтнических отношений стали важнейшим элементом социокультурной политики не только для страны в целом, но также и для городов с полиэтничным составом населения, где этносоциальный фактор играет особую важную роль.

К таким городам относится и Волгоград, где веками жили вместе представители разных этнических и религиозных сообществ. В настоящее время на территории Волгограда проживают представители 107 этнических общностей [1], зарегистрировано 42 этнокультурные общественные организации и национально-культурные автономии, представляющие интересы граждан, относящих себя к этническому меньшинству на соответствующей территории. Проживающих в городе граждан различных национальностей можно рассматривать как единую социокультурную систему, как некий надэтнический социальный феномен. В сходстве исторических судеб, образа жизни, менталитета граждан различных национальностей полиэтничного города заложены мощные основы для их мирного, толерантного сосуществования.

По официальным данным Территориального органа Росстата РФ по Волгоградской области, по итогам Всесоюзных (1979 г., 1989 г.) и Всероссийской (2002 г.) переписей населения численность русских, украинцев и белорусов в общем составе населения Волгограда имеет устойчивую тенденцию к снижению. Русских по итогам переписи 1979 г. в общем составе населения Волгограда было 92,9 %, по итогам переписи

1989 г. — 92,3 %, по итогам переписи 2002 г. — 91 %; украинцев по итогам переписи 1979 г. было 3,17 %, по итогам переписи 1989 г. — 3,04 %, по итогам переписи 2002 г. — 2,09 %; белорусов по итогам переписи 1979 г. было 0,63 %, по итогам переписи 1989 г. — 0,62 %, по итогам переписи 2002 г. — 0,45 %. Вместе с тем, по итогам переписей населения за указанные периоды времени существенно возросла численность представителей других народов в общем составе населения Волгограда. Так, например, в период с 1989 по 2002 гг. численность армян в городе выросла в 4 раза, азербайджанцев — в 1,8 раза, корейцев — в 3,8 раза, цыган — в 1,5 раза [1, 2]. Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, на протяжении последних 30 лет существенно вырос уровень этнокультурного и религиозного разнообразия населения Волгограда, но, с другой стороны, наблюдается устойчивая тенденция демографического спада среди представителей восточнославянского суперэтноса, чего нельзя сказать о представителях некоторых других народов, проживающих на территории Волгограда.

Специфика управленческой деятельности органов местного самоуправления Волгограда по формированию установок этнически толерантного сознания населения обусловлена следующими факторами:

1) на протяжении всей своей истории Волгоград формировался как город, на территории которого дисперсно проживали представители различных национальностей, культур и религий, — своего рода цивилизационное «пограничье»;

2) распад СССР повлиял на характер миграционной ситуации в Волгограде, в результате чего в город как относительно стабильное с точки зрения социально-экономической ситуации муниципальное образование стали прибывать мигранты из бывших республик СССР. В настоящее время в ряде районов Волгограда формируются места компактного проживания представителей определенных этнических меньшинств из числа мигрантов;

3) в ряде районных администраций Волгограда отсутствует целенаправленная и систематическая деятельность по взаимодействию с этнокультурными общественными организациями, что обуславливает равнодушное и недостаточно внимательное отношение к ним. Существует также проблема недостатка знаний и профессионального обучения муниципальных служащих, непосредственно занимающихся вопросами регулирования этносоциальных отношений.

Учитывая вышеизложенное, объективно возрастает общественная потребность в осуществлении грамотной, сбалансированной муниципальной политики в сфере управления этнокультурным разнообразием, формирования установок этнической толерантности в общественном сознании населения городского округа город-герой Волгоград. Профессиональная реализация указанной политики невозможна без исследования актуального состояния уровня этнической толерантности населения и, в первую очередь, муниципальных служащих органов местного самоуправления как социальной группы, оказывающей определяющее влияние на формирование общественного мнения и реализацию этносоциальной политики в том или ином муниципальном образовании.

Таким образом, возникла насущная необходимость в организации и проведении соответствующего социологического исследования. В 2010 г. АНО

«Южный межрегиональный правозащитный центр “Толерантность и миграция”» совместно с автором настоящей статьи в рамках комплексного социологического проекта «Мониторинг этносоциальной ситуации в Волгоградской области» были проведены глубинные экспертные интервью с муниципальными служащими органов местного самоуправления Волгограда, имеющими прямое или опосредованное отношение к вопросам управленческого регулирования этносоциальных отношений в связи с исполнением своих должностных обязанностей (отделы социальной защиты населения, образования, молодежной политики, культуры, общественных связей и пресс-службы и т. д.).

В ходе исследования было проинтервьюировано 68 респондентов — муниципальных служащих, представляющих как администрации 8 районов Волгограда, так и соответствующие отраслевые структурные подразделения администрации Волгограда.

В качестве предмета социологического исследования, проведенного методом глубинного интервью, изучались ценностные установки и ориентиры сотрудников районных администраций Волгограда и отраслевых структурных подразделений администрации Волгограда по отношению к представителям различных этнических общностей, проживающих на территории города.

Целью социологического исследования было выявление структуры диспозиций, регулирующих отношение муниципальных служащих органов местного самоуправления Волгограда к представителям различных этнических общностей, проживающих на его территории.

Основные задачи социологического исследования:

определение основных этнических стереотипов муниципальных служащих органов местного самоуправления Волгограда;

определение индекса этнической толерантности муниципальных служащих органов местного самоуправления Волгограда;

выявление основных проблемных ситуаций в сфере межэтнических отношений в Волгограде;

определение тех конкретных проблем, с которыми сталкиваются муниципальные служащие органов местного самоуправления Волгограда в ходе реализации государственной этносоциальной политики на территории города.

Выбор глубинного экспертного интервью в качестве метода вышеуказанного социологического исследования обусловлен как спецификой предмета исследования, его целями и задачами, так и целевой аудиторией респондентов, качественный и количественный состав которых, их профессиональный и социальный статус необходимы для комплексного и всестороннего изучения указанной выше темы. Этнические предпочтения чиновников носят преимущественно личностный характер и не располагают к обсуждению в группе. Глубинное интервью дает возможность получить информацию от специалистов, компетентных лиц, экспертов в определенной области, которым известны специфические стороны изучаемого явления, что накладывает определенные ограничения на обсуждение ряда вопросов в присутствии других лиц [3].

Проблемы практической реализации этносоциальной политики представляют собой очень сложную, комплексную область изучения, и чтобы убедиться, что опрашиваемый понимает суть вопроса, требуется дополнительное время.

В сравнении с другими методами качественного исследования глубинное экспертное интервью может обеспечить получение подробной информации благодаря тому, что все время обсуждения изучаемой темы посвящено интервью с одним участником. Также глубинное интервью ориентировано на достижение углубленного понимания исследуемого социального явления, преследует цель детального изучения социального явления в его целостности и непосредственной взаимосвязи с другими явлениями [4].

Кроме того, обсуждение деликатных тем (ценностные установки и ориентиры муниципальных служащих по отношению к представителям различных этнических общностей, уровень этнической толерантности чиновников) предполагает создание доверительной атмосферы при общении интервьюера с респондентом один на один.

Глубинное экспертное интервью позволяет проанализировать экспертные оценки и мнения, которые существуют в профессиональном сообществе, выявить такие особенности исследуемой темы, которые известны только непосредственным участникам интервью, проверить существующие гипотезы и предположения в беседе с профессионалами. Экспертное интервью также создает необходимые условия для получения развернутых ответов от респондента, для которого неприемлемы никакие другие формы интервьюирования¹.

Согласно материалам проведенного социологического исследования, в управленческой среде сотрудников органов местного самоуправления Волгограда существует понимание того, что межэтнические отношения являются проблемным и требующим особого внимания аспектом муниципальной управленческой деятельности. 88 % интервьюируемых респондентов указали на то, что есть проблемы во взаимодействии этнических общин мигрантов как с местным населением, так и с органами власти, явно недостаточно финансирование плановых мероприятий по реализации государственной национальной политики на территории Волгограда и др. Осознание значимости проблемы регулирования межэтнических отношений муниципальными служащими органов местного самоуправления Волгограда свидетельствует о том, что, во-первых, указанная проблема не является искусственной, она реально существует; во-вторых — в муниципальных органах власти Волгограда реализуется определенный комплекс управленческих мер по ее решению.

По данным Комитета по делам культуры администрации Волгограда (уполномоченного муниципального органа по реализации государственной этносоциальной политики), деятельность органов местного самоуправления Волгограда в сфере регулирования этносоциальных отношений осуществлялась в 2010 г. по следующим основным направлениям:

- сохранение и развитие этнических культур;
- сотрудничество с правоохранительными органами по вопросам организации жизнедеятельности этнических общин;
- своевременное устранение причин возможных социальных конфликтов на этнической основе;

---

¹ Глубинные интервью проводились по методике, описанной в соответствующей научной социологической литературе, в частности в исследованиях В. А. Ядова и С. А. Белановского [3, 4].

мероприятия, направленные на формирование установок этнической толерантности в общественном сознании населения Волгограда.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в целом в настоящее время деятельность органов местного самоуправления Волгограда по взаимодействию с этническими общинами не может быть определена как активная и целенаправленная. В администрации каждого района города определен куратор по этносоциальной проблематике на уровне соответствующего заместителя главы администрации, а также указанная сфера управленческой деятельности организационно и функционально закреплена за конкретным муниципальным служащим той или иной районной администрации. Но для указанных сотрудников этносоциальная проблематика, как правило, является второстепенной, так как кроме нее у них есть «более приоритетные должностные обязанности». Значительная часть муниципальных служащих отмечает отсутствие необходимой финансовой основы деятельности муниципалитета по вышеназванному направлению: «А если денег на работу с национальностями нет, то и какой с нас спрос?».

На вопрос «Как Вы считаете, чего более всего не хватает муниципальным органам власти для организации эффективной работы с представителями различных этнических общностей?» муниципальные служащие органов местного самоуправления Волгограда ответили следующим образом, %:

финансового обеспечения деятельности.....	36,9
сотрудников, специализирующихся на данной проблематике.....	11,1
знаний в области законодательства по этносоциальным вопросам.....	10,6
стремления этнических общностей к взаимодействию с органами власти.....	9,6
поддержки со стороны администрации Волгоградской области.....	8,6
понимания и поддержки со стороны местного населения.....	7,6
затрудняюсь ответить.....	13,6
другое.....	2

Таким образом, основная проблема, с которой сталкиваются муниципальные служащие органов местного самоуправления Волгограда, осуществляя свою управленческую деятельность по регулированию межэтнических отношений, — недостаток бюджетного финансирования мероприятий по реализации государственной этносоциальной политики. Отсутствуют финансовые средства на проведение этнокультурных праздников, поддержку школ с этнокультурным компонентом образования, фольклорных коллективов. Безусловно, в подобной ситуации вести речь об эффективной работе муниципальной администрации в сфере регулирования этносоциальных отношений весьма затруднительно.

В ходе проведенного социологического исследования АНО «Южный межрегиональный правозащитный центр “Толерантность и миграция”» изучал уровень этнической толерантности муниципальных служащих органов местного самоуправления.

При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, на что должна быть направлена региональная этносоциальная политика в первую очередь?» ответы, %, распределились следующим образом:

на обеспечение прав и свобод всех граждан независимо от их национальной принадлежности.....	47,5
на обеспечение приоритета интересов представителей русской нации.....	45,5
на обеспечение приоритета интересов иных этнических общностей.....	4,5
затрудняюсь ответить.....	2,5

Из приведенных данных следует, что уровень этноцентризма в управленческой среде муниципальных служащих органов местного самоуправления Волгограда достаточно высок, и хотя не является преобладающей тенденцией, тем не менее по данному показателю интервьюируемые разделились практически на две равные части.

Для определения степени устойчивости установки на этноцентризм в системе ценностных ориентаций муниципальных служащих вопрос о приоритетности направлений этносоциальной политики был задан повторно, но с менее жестким вариантом шкалы: «Продолжите фразу: “Усилия органов местной власти в сфере этносоциальных отношений должны быть, в первую очередь, направлены на...”». Ответы распределились следующим образом, %:

недопущение межэтнических конфликтов на территории города.....	48,5
создание благоприятных условий развития для представителей русского народа.....	37,4
формирование позитивного общественного мнения по отношению к представителям любых этнических общностей.....	7,1
оказание содействия общественным организациям, представляющим интересы различных этнических общностей, представители которых проживают в городе.....	3
помощь в обустройстве беженцев и вынужденных переселенцев.....	3
другое.....	0,5
затрудняюсь ответить.....	0,5

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что установка на этноцентризм, фиксируемая в сознании муниципальных служащих, не является устойчивой, неизменяемой. При выборе из большого количества вариантов ответа на вопрос о приоритетах в деятельности органов местной власти в сфере регулирования этносоциальных отношений те же самые опрашиваемые на первое место поставили «недопущение межэтнических конфликтов на территории города» — 48,5 %. Таким образом, в имеющемся конфликте ценностных установок — установки на этноцентризм и установки долженствования — доминирующей остается установка долженствования: муниципальный служащий, гипотетически выбирая между тем, что он обязан делать, и тем, что ему хотелось

бы делать, в большей степени склонен к выбору того, что он должен делать в соответствии со своими должностными обязанностями.

О том, что установка на этноцентризм в сознании муниципальных служащих не является жесткой, свидетельствуют и ответы респондентов, %, на следующий вопрос: «Продолжите фразу: “Я полагаю, что интересы русского народа ущемляются...”»:

коррупцированными чиновниками.....	34,8
федеральной властью.....	19,7
олигархами.....	11,6
не ущемляются.....	11,2
затрудняюсь ответить.....	9,1
мигрантами.....	8,1
местной властью.....	2,5
региональной властью.....	2
другое.....	1

Как следует из представленных результатов, интересы русского народа ущемляются отнюдь не мигрантами (8,1 % — шестое место в шкале), а коррупцированными чиновниками (34,8 %), федеральной властью (19,7 %) и олигархами (11,6 %). Таким образом, причиной недовольства положением русского человека в России и в Волгограде является отнюдь не приток мигрантов, а системный кризис, переживаемый государством, выражающийся в таких явлениях, как коррупция, олигархизация и элитизм власти. Примечательно, что о коррупцированности чиновничьего корпуса говорят в данном случае сами чиновники. Данный факт может свидетельствовать, с одной стороны, о недостаточной сформированности единой корпоративной культуры российского чиновничества, с другой стороны, о том, что чиновники муниципального уровня в большей степени ассоциируют себя с населением, нежели с субъектом управления (тем более, что объективные условия их жизни кардинальным образом от окружающего социума не отличаются: невысокая, периодически задерживаемая зарплата, отсутствие каких-либо льгот, необходимость поиска дополнительного заработка и т. д.).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в ходе проведенного социологического исследования респонденты высказывали этнически окрашенные суждения о функционировании системы областной и муниципальной власти: *«Местная власть коррупцирована. Милиция народ не защищает, только о своем кармане думает. Почему, Вы думаете, у нас столько кавказцев — их за взятки здесь прописывают»*; *«Кавказцам здесь жизнь хорошая, потому что они начальство все здесь купили»*; *«А в России кто правит сегодня? Одни евреи... Кто всю нефть, газ забрал — русские, что ли?»*.

Определение степени распространенности подобных суждений в совокупности как у муниципальных служащих органов местного самоуправления, так и у местного населения станет задачей отдельного социологического исследования качественными и количественными методами (фокусированные групповые интервью с последующим массовым опросом).

О недостаточном высоком уровне этнической толерантности муниципальных служащих косвенно свидетельствуют и ответы на вопрос, выявляющий приоритетность актуальной проблематики в сфере межэтнических отноше-

ний: «Если проблемы в сфере межэтнических отношений есть, то в чем они выражаются в наибольшей степени?». Ответы на данный вопрос распределились таким образом, %:

неконтролируемой миграции.....	42,4
ущемлении прав русского населения.....	19,7
межэтнических конфликтах на бытовой основе.....	11,6
наличии преступных группирований на этнической основе....	11,1
затрудняюсь ответить.....	6,1
таких проблем нет.....	5,1
ущемлении прав представителей различных этнических общностей по признаку их этнической принадлежности.....	2,5
другое.....	1
межэтнических конфликтах на религиозной основе.....	0,5

Проблемы «неконтролируемой миграции» и «ущемления прав русского населения», лидирующие в данной шкале, не входят в служебную компетенцию муниципальных служащих органов местного самоуправления, тем не менее, с их точки зрения они могут являться причиной возникновения межэтнической напряженности на территории соответствующего района города. Позитивным аспектом является низкий процент ответов, набранный по позиции «межэтнические конфликты на религиозной почве» — 0,5 %. Общемировая тенденция в развитии этносоциальных отношений очевидно демонстрирует, что в настоящее время межэтническая конфликтогенность преимущественно основывается на религиозных различиях. Отсутствие межэтнических конфликтов на религиозной основе на территории Волгограда свидетельствует об относительной стабильности этносоциальной ситуации в городе.

Проведенное социологическое исследование позволяет также выделить социально-психологические факторы, влияющие на проявления этнической интолерантности в сфере межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия: позитивность-негативность и четкость-амбивалентность этнической идентичности, величина культурной дистанции, степень религиозности и длительность совместного проживания представителей различных этнических общностей. Помимо вышеуказанных, на этническую толерантность-интолерантность оказывают действие и следующие социально-психологические факторы:

- а) степень этнокультурной компетентности;
- б) психологическая готовность к межкультурному и межконфессиональному диалогу;
- в) опыт и навыки межкультурного, межэтнического взаимопонимания и взаимодействия.

В заключение настоящей статьи хотелось бы сформулировать некоторые выводы, которые могут оказаться полезными для органов местного самоуправления в сфере их управленческой деятельности по формированию установок этнически толерантного сознания населения.

В Волгограде как полиэтничном муниципальном образовании с длительной историей совместного проживания представителей различных этнических общностей выраженного межэтнического противостояния не наблюда-

ется. Поэтому поддержание позитивной и четкой этнической идентичности у представителей этносов, населяющих город, может быть достигнуто следующими способами:

через организацию системы постоянного мониторинга этноконфессиональной ситуации, направленного на изучение влияния практической деятельности этнокультурных и религиозных объединений на развитие социально-политической ситуации, профилактику экстремизма и ксенофобии;

через создание необходимых условий для повышения квалификации муниципальных служащих, занимающихся вопросами регулирования этноконфессиональных отношений;

в полиэтничном городе укреплению этнической толерантности общественного сознания будет способствовать формирование «надэтнической» общности. Такая общность может быть сформирована не по этническому, а по муниципальному, местному признаку. Это будет способствовать объединению представителей различных этнических общностей и повышению уровня их толерантности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Волгоградской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Волгоград : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, 2006. Т. 2. С. 11—13.

2. Национальный состав населения Волгоградской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Волгоград : Волгоградское областное управление статистики Госкомстата РСФСР, 1990. Т. 2. С. 4, 267, 271, 274, 276, 277.

3. *Белановский С. А.* Глубокое интервью. М. : Николо-Медиа, 2001.

4. *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. М. : Академкнига ИКЦ, Добросвет, 2003.

1. *Natsionalny sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Volgogradskoi oblasti. Itogi Vserossiyskoi perepisi naseleniya 2002 goda.* Volgograd : Territorialny organ Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Volgogradskoi oblasti, 2006. T. 2. S. 11—13.

2. *Natsionalny sostav naseleniya Volgogradskoi oblasti po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda.* Volgograd : Volgogradskoe oblastnoe upravlenie statistiki Goskomstata RSFSR, 1990. T. 2. S. 4, 267, 271, 274, 276, 277.

3. *Belanovski S. A.* Glubokoe intervyyu. M. : Nikolo-Media, 2001.

4. *Yadov V. A.* Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. M. : Akademkniga IKTs, Dobrosvet, 2003.

© Сулов А. А., 2012

*Поступила в редакцию
в марте 2012 г.*

УДК 342.25

О. В. Керсанов**ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ
СИСТЕМЕ**

Анализируются тенденции становления институтов территориального общественного самоуправления в России, процесс развития их идентичности как структур гражданской активности, вовлечение их в орбиту интересов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова:

местные сообщества,
институты,
гражданское общество,
самоуправление,
ТОС.

О. V. Kersanov**TERRITORIAL SELECTOR
IN CIVIL SOCIETY
AND ADMINISTRATIVE SYSTEM**

Trends in institutes' formation of the territorial public selector in Russia, developmental process of identity as structures of civil engagement organization, involvement in interests of state and municipal authorities are analyzed.

Key words:

local communities,
institutions, civil society,
self-government,
TPS.

Об авторе:

Керсанов Олег Владимирович —
соискатель кафедры социологии
и менеджмента,
Волгоградский филиал РГТЭУ,
председатель правления Ассоциации
«Совет муниципальных образований
Волгоградской области»,
(8442)33-06-94,
nir-rsute@yandex.ru

Kersanov Oleg Vladimirovich —
degree-seeking student of sociology
and management, Volgograd Branch
of RSTEU, chairman of board of association
"Council of municipal formations
of the Volgograd Region"

Становление института территориального общественного самоуправления в нашей стране проходит в условиях конкуренции за социальные ресурсы среди уже существующих структур гражданского общества, государства, местной власти и бизнеса. Поэтому вопрос идентичности этой широкой сети социальных институтов важен, прежде всего, для ее собственного развития. Практика работы в коммуникативной среде местного самоуправления предоставляет богатый материал для сравнительного анализа, в частности позволяет оценивать релевантность теорий, программ, проектов развития местных сообществ самому объекту внимания. Анализ этой практики убеждает в том, что от сообразности социальных ожиданий с институциональной природой местных сообществ напрямую зависит раскрытие их потенциала, так как навязывание институту сущности, идущей вразрез с его природой, приводит к деградации этого института.

Имеющиеся представления об институциональной природе местных сообществ, как нам представляется, можно сгруппировать в четыре концепции. Первая концепция: местные сообщества — первичные ячейки территориального управления. Этой концепции придерживаются государственники, управленцы, эксперты по местному самоуправлению, считающие ТОСы и им подобные общественные структуры удобным инструментом первичного управления территориями [1—3].

Удобным по нескольким причинам. Во-первых, местные сообщества формально не состоят элементом структуры власти, но имеют институциональную форму и являются источником коллективной воли, а значит, их отношения с органами власти неизбежны. Поскольку власть всегда занимает в отношениях субъектную позицию, а ее отношения с местными сообществами не регламентированы, постольку образуется комфортная среда, позволяющая органам власти в зависимости от их целей как воздействовать на местные сообщества, так и проявлять по отношению к ним безразличие. Во-вторых, сообщества всегда испытывают дефицит средств, что позволяет обменивать ресурсы финансовые на ресурсы подчинения. В-третьих, при помощи местных сообществ достигается максимальный охват общества институ-

тами управления властной вертикали. Суть этого мотива хорошо выразил В. Корнилович: «Государство как система с помощью местного самоуправления, органов ТОС, объединения различных гражданских инициатив (ТСЖ, объединения граждан и т. д.), некоммерческих общественных организаций обеспечивает воспроизводство собственной модели» [4].

Сообщества агрегируют людей, иницируют проекты, различные виды занятий, чем увлекают население территории, занимая личное время, тем самым организуется прозрачный контроль над активистами, пассионариями. В-четвертых, сообщества «протезируют» плохо работающие муниципальные структуры (при том, что те продолжают существовать), обходясь минимальными затратами: «Своими силами волгоградцы благоустраивают родные села, поселки, города, ремонтируют внутрипоселковые дороги, дома культуры, детские сады и школы. Примечательно, что при этом не возникает вопроса — где взять деньги» [1]. К этим функциям можно добавить и охрану правопорядка, социальный уход и т. п.

Эта модель отношений институтов власти и местных сообществ преподносится как специфическая, институциональная среда, которая наиболее приближена к людям, то есть отвечает их интересам, практически не разделяясь на субъект и объект воздействия. Именование этой специфической институциональной среды самоуправлением говорит о ее системной встраиваемости во властную вертикаль. Однако очень трудно не заметить рычаги внешнего управленческого воздействия, которые внедряются в эту формально выведенную из иерархических отношений самоуправленческую сферу. Это и выделение бюджетов, и тесное сотрудничество с муниципальной властью, и выполнение функций муниципальной власти, и инкорпорация в муниципальные структуры активистов местных сообществ, создание в структурах МСУ подразделений по работе с ТОС, использование их в качестве агентов интересов муниципальной власти на местах.

Вторая концепция: местные сообщества — первичные территориальные ячейки политической социализации. Этой концепции придерживаются представители и идеологи радикальных политических течений: социалисты, анархисты, радикальные консерваторы, традиционалисты, либертарианцы.

Сторонники традиционных общин А. Макинтайр, Э. Вогелин и А. Блум критикуют стремление американцев не к упорядоченности и стабильности, а к инновациям и переменам, считая, что это привело к отрицанию идеи нравственного назначения человека в мире. Они призывают к возвращению классического образования, традиционных религиозных практик и строгих семейных нравов [5]. Р. Фаулер считает местные сообщества сетевой структурой совершенствования политических и экономических устоев общества. В России мы видим схожие тенденции.

ТОС — низовая, непосредственная демократия, считают А. Васильев и другие [2, 6, 7, 8]. ТОСовское движение становится движущей силой политической жизни общества и гарантом политической стабильности. На выборах Президента России, депутатов Государственной и областной дум, органов местного самоуправления ТОСовские команды проявили безупречную организованность, гражданскую ответственность, способность вести за собой огромные массы людей. Многие председатели советов и активисты ТОС на последних выборах в органы местного самоуправления были избраны депутатами представительных органов. Есть немало примеров, когда руководители

ТОС стали главами поселений. Например, в Новониколаевском городском поселении (Волгоградская область), где проживает более 10 тыс. человек, председатель совета ТОС № 1 Новониколаевский Гуреев Иван Иванович стал в результате выборов главой городского поселения, а совет ТОС, который он возглавлял, почти в полном составе вошел по итогам выборов в представительный орган поселения [9].

Таким образом, местные сообщества позиционируются как платформа демократии, точка ее отправления. При том позитивном посыле, который несет эта концепция, сообщая местным сообществам функцию ячейки демократической социализации, стоит уточнить два противоречивых момента. Способ принятия решений, единственно возможный в среде сообществ и органах сообществ, несомненно, можно отнести к демократическим в том смысле, что он никем не навязывается, а возникает в результате компромисса или консенсуса членов этого сообщества. Однако среда сообществ неполитична по своей сути и природе. К демократии как форме правления она никакого отношения не имеет. Благодаря науке политологии известно, что непосредственная демократия — это референдум, прямые выборы, или управление при помощи органа прямой демократии — схода всех жителей территории. Низовая демократия — это суд присяжных, «суд Линча». Этимологически демократия это власть народа, но территориальное общественное самоуправление — это не частная деталь общей воли народа. Известно также, что сферы применения власти нет, если нет объекта власти. В местных сообществах такого объекта не существует. Речь может идти о какой-то экзотической психологически верифицируемой власти в интерпретации самоуправления («сам собой управляю» — *self management*), но ничего более серьезного в природе местных сообществ нет. ТОСы не являются Советами и не избирают делегатов, собирающихся на съездах для принятия жизненно важных решения в масштабах страны. Компетенция органа ТОСа заканчивается на самом себе, а ассоциации ТОСов не полномочны принимать решений, обязательных для других территорий, они экстерриториальны.

Третья концепция: местные сообщества — организаторы хозяйственной деятельности по распределению общественного убытка. Концепция подкрепляется случаями успешного хозяйствования таких структур, как ТСЖ, МЖК, ТОСы, организующих хозяйственную деятельность непосредственно или создающих торгово-закупочные, производственные кооперативы, другие организации по управлению собственностью, средствами, выделяемыми на исполнение заказов муниципалитетов. Эксперты с удовлетворением отмечают экономическую выгоду в результате деятельности ТОС: «Статистика объективных показателей проекта впечатляет. Инициативная деятельность ТОС, наполненная партнерскими связями, душевным подъемом и благотворительностью, породила около 100 направлений деятельности. Из всех видов деятельности ТОС, которые поддаются материальной оценке, на каждый 1 бюджетный рубль, вложенный в социальный капитал в форме стимулирования ТОСовского движения, реальная отдача составляет около 6 рублей. Все это относится к благоустройству среды обитания в границах ТОС» [9].

Муниципальные власти пользуются этой возможностью. С 1 января 2009 г. действует норма Бюджетного кодекса ст. 78.3, которая позволяет органам местного самоуправления передавать некоммерческим организациям, а именно в этой форме действуют юридические лица ТОСов, субсидии, на-

правленные на решение части своих вопросов в соответствии с договорами. Таким образом, с ТОСами муниципалитеты вступают в правоотношения как с публично-правовыми субъектами [10].

Четвертая концепция: местные сообщества — гуманитарные мастерские, которые создают условия для развития коллективизма, поддержки семьи, школы, церкви, традиций. «Сеть дружественных отношений и знакомств позволяет человеку использовать важные, часто не замечаемые социальные удобства... Все, кто отвечает здесь за этот порядок, — не специалисты, их главное дело какое-то другое. Здесь нет никакой формальной общественной или добровольческой организации, следящей за порядком: ни полиции, ни частной охраны, ни местной охраны порядка, никаких формальных встреч или должностных лиц — наблюдение за порядком внедрено в логику ежедневной практики. Более того, формальные учреждения общественного порядка успешны только тогда, когда их поддерживает эта богатая, неофициальная общественная жизнь» [11]. В рамках этой концепции местные сообщества позиционируются либо как безальтернативные, либо как более эффективные институты совершенствования межличностных отношений, их гуманизации.

Пятая концепция, которой придерживаемся мы, — синтетическая: местные сообщества — это универсальный институт коллективности, синкретичная форма гражданского общества, в которой происходит первичная социализация и гуманизация человека, а также производится как социальный, так и политический, и хозяйственный, и культурный ресурсы местности. Местная община не только самодостаточный организм, но и ресурсопоставляющий с точки зрения бюрократической системы, поскольку позволяет:

- а) замещать наиболее неудобные для бюрократии функции;
- б) выявлять в целях стигматизации, кооптации наиболее талантливых активистов;
- в) экономить затраты;
- г) организовывать лояльное власти большинство;
- д) инкубировать идеи, проекты, которые после вывода на окупаемость можно переводить в коммерческую и политическую сферу.

Первая из вышеуказанных концепций наиболее активно продвигается экспертным обществом. Один из крупнейших в России экспертов по проблемам местных сообществ Е. Шомина обратила внимание на процесс муниципализации ТОСов: «Произошла трансформация самих ТОСов и соответственно городской муниципальной власти к ним. Потому что, если раньше ТОС это был институт, который выражал интересы жителей, то сегодня ТОС зачастую это некая структура, которая выполняет задачи, сформулированные муниципалитетом, и осваивающая средства муниципалитетов и отчитывающаяся перед муниципалитетом. К сожалению, ситуация довольно частая по стране» [12]. По интонации эксперта можно понять, что данный процесс не оценивается позитивно, однако у противоположной оценки значительно больше сторонников.

Как утверждает А. Васильев, «для того, чтобы территориальное самоуправление постоянно развивалось, необходимо изменение организационно-правовых форм самоуправления. От чисто общественной организации к комитетам общественного самоуправления (КОС), где назначенный председатель подбирает себе активистов в комитет и находится на ставке в админист-

рации. Далее к совету общественного самоуправления (СОС), где совет и председатель избираются населением, появляется смета и аппарат совета, зарплату председатель получает в совете. Далее — территориальная община, создаваемая в целях защиты коренных интересов жителей, с соответствующими полномочиями и собственным бюджетом. Далее — муниципальный округ, как составная часть муниципального управления, с полноценным бюджетом территории, полномочиями и работниками, обслуживающими жителей» [2, с. 118].

А. Васильев видит местные сообщества в лице ТОС продолжением вертикали власти. В его институциональной системе ТОСы имеют бюджет, а значит, используется принудительная сила для его наполнения, специальные органы на зарплате, а значит, независимые от сообщества и зависимые от работодателя, собственность, а значит, неравенство, участие в отправлении власти. Такие схемы частично уже апробируются местными властями. Е. Шаломенцева указывает на то, что органы МСУ, реализуя обязанности содействия населению в участии в местном самоуправлении, в своих муниципальных правовых актах о порядке организации ТОС обуславливают избрание председателя ТОС приемом его на должность муниципальной службы на период избрания. Такие факты есть и существуют во многих муниципальных образованиях, что приводит к возникновению подчиненности. Данный вариант по существу является способом финансирования деятельности актива ТОС и в частности его председателя [13].

О том же сообщает Е. Секирина: «Некоторые органы местного самоуправления даже идут на то, чтобы передать органам ТОС отдельные функции по предоставлению определенных муниципальных услуг» [14, с. 28]. Н. Мальковец также обращает внимание на то, что советы ТОС преобразуются в муниципальные учреждения, например создаются муниципальные центры развития местного самоуправления [15].

Можно рассматривать как положительное явление то, что, например, руководство Волгоградской области организует финансирование ТОСов, используя внебюджетные фонды, спонсорскую и другую поддержку [16]. В отрыве от понимания сущности процессов, происходящих в местном самоуправлении, всякое финансирование деятельности — благо. Но более взвешенную позицию в этом вопросе излагает С. Дмитриев: «Господдержка в форме ежегодно нарастающего фонда премиального поощрения была направлена на мотивацию непрерывного развития эффективной долговременной работы по всему комплексу проблем среды обитания и образа жизни. В основу этого комплекса был положен программно-целевой метод результативной деятельности каждого ТОС и метод сравнительной эффективности их работы. Он не допускал содержания штатов ТОС за счет бюджета» [9].

ТОСы — это институт местного самоуправления, — отмечает Е. Шаломенцева [13]. ТОСы — это местное самоуправление, это его составная, неотъемлемая часть, — считает И. Бабичев [10]. Теоретически и нормативно это верные утверждения, согласно тексту главы 5 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» № 131-ФЗ «Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления»: местный референдум. Муниципальные выборы. Голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения

границ муниципального образования, преобразования муниципального образования. Сход граждан. Правотворческая инициатива граждан. Территориальное общественное самоуправление. Публичные слушания. Собрание граждан. Конференция граждан (собрание делегатов). Опрос граждан. Обращение граждан в органы местного самоуправления. Другие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении [17].

Институциональная идентичность гражданских организаций ТОС с местным самоуправлением безусловна, но если обратить внимание на то, какие институты в России относятся к местному самоуправлению, оценить их фактическую сущность, то в результате такого отождествления в общественном сознании происходит некая инверсия: если местное самоуправление — это муниципальная власть, то вполне естественно, что структуры общественного самоуправления тяготеют к муниципализации, а не наоборот. Самоуправленческие, гражданские структуры становятся властными институтами, а не наоборот, как было бы ближе смыслу и духу закона. Не местное самоуправление эволюционирует к общественному самоуправлению, а общественное самоуправление принимает формы отечественного МСУ. Если раньше, пишет Н. Мальковец, мы говорили, что ТОС — это формы, диктуемые самой жизнью, то теперь все отрегулировано законом. В соответствии со статьей 27, п. 5, территориальное общественное самоуправление считается учрежденным с момента регистрации его устава уполномоченным органом местного самоуправления. В этой же статье, п. 6, указано, что собрание граждан по вопросам организации и осуществления территориального общественного самоуправления считается правомочным, если в нем принимают участие не менее половины жителей соответствующей территории, достигших шестнадцатилетнего возраста. Даже выборы главы местного самоуправления требуют менее жесткого представительства. Усложнились и пути решения таких вопросов, как финансовая поддержка органов ТОС и многие другие [15].

Но надо сказать, что это отражает логику власти: делегировать организаторские полномочия вниз — на общественные структуры, а власть — нормотворческие, распорядительные, финансовые, контрольные полномочия оставить себе. Чтобы осуществлять такой переток полномочий, необходимо его обосновать, для чего применяется утверждение о том, что без помощи власти общественное самоуправление недееспособно.

Бездоказательно утверждая, что при наличии высокого уровня заинтересованности в решении местных проблем население в настоящее время не способно реализовать местные инициативы, самостоятельно формируя органы территориального общественного самоуправления, Е. Демьянов и П. Королев подводят к следующему заключению: «Роль органов управления должна состоять в содействии формированию у населения самоуправленческой активности и созданию условий для ее реализации в форме территориального общественного самоуправления. Это соответствует современному пониманию государственного управления, наиболее перспективной формой которого в настоящее время признается «организация самоорганизации» партнерских структур на договорной основе. В рамках этой тенденции органы ТОС могут рассматриваться как муниципально-общественные структуры по аналогии с государственно-общественными органами, перспективность которых признана в связи с развитием в Российской Федерации гражданского общества» [18].

И. Бабичев также указывает на прямую связь между плотностью интереса со стороны муниципальных чиновников к институтам ТОС и их активностью: «В целом по стране низкий уровень вовлеченности населения в решение проблем своего города или села, поэтому ТОС там не идет. На самом деле это очень распространено. Низкий уровень знаний, компетенции части местных чиновников, не владеющих современными методами социальной коммуникации, информационных технологий. Это по-русски означает, что часть чиновников с ТОСами работать не хочет» [10].

Е Секирина пишет, что «комитеты ТОС выполняют важную посредническую функцию между жителями и властью» [14], что возможно в случае, когда местное самоуправление в лице муниципальной власти, согласно ФЗ № 131 создаваемое для максимального (территориально и функционально) приближения к интересам гражданина, этой цели не достигает. В этом случае возникает необходимость в еще одном посреднике. Но если этот посредник муниципализируется, следовательно, в логике складывающейся практики посредническая функция остается вакантной. И так далее по типу дурной бесконечности.

Опыт муниципализации показывает, что как только местные сообщества выходят за пределы своей субсоциальной сферы, то есть из сферы гражданских отношений в сферу иерархических, они начинают разрушаться. Выход в политическую сферу не позволяет им ни сохранить свою легитимность, ни приобрести новый статус. «Проблема легитимности ТОС возникает и при создании ТОС больших микрорайонов, тем более, что процедура выборов делегатов на конференцию проводится часто в заочной форме и люди, поставившие “птичку” за или против, порой даже не понимают, о чем идет речь» [19]. «Протезирование» функций плохо работающих коммерческих институтов также сказывается неблагоприятно на идентичности местных сообществ. На это указывают эксперты: «ТОС на уровне подъезда, дома не выполняют те задачи, которые ставит перед ТОС государство, превращаясь в представителя управляющих компаний на местах. Более того, здесь, как мне представляется, происходит подмена понятий “представитель собственников МКД” и “единоличный орган ТОС”» [19].

Управление в действии — это постановка задачи, обеспечение ресурсами и контроль исполнения. Если проанализировать взаимодействие муниципальных властей и местных сообществ, то оно как раз укладывается в данную троичную схему, что позволяет говорить о том, что на настоящем этапе в России имеет место возникновение нового элемента в территориальном управлении — местных сообществ, которые управляются муниципальными структурами власти и кооптируются в них. Возможно, что будет найдена оптимальная схема отношений такого типа, не разрушающая институты местных сообществ, но до настоящего времени опыт управления общественными структурами, при котором бы сохранялась их институциональная гражданская идентичность, а именно не происходила подмена интересов гражданского общества интересами структур власти и управления, не был успешен.

В результате микроисследования крестьянских обществ взаимопомощи (КОВ), организованных в 1920-е гг. советской властью, А. М. Большаков установил, что такая организация труда неэффективна и неадекватна действительным нуждам крестьян, по сути эта инициатива государства, направленная на организацию низов в коллективные структуры, вылилась в «мертворожденное учреждение» [20]. Уже в современной России в самых ранних опытах

организации местных сообществ, как показал Д. Левчик, именно воздействие муниципальных властей, а также коммерциализация и политизация приводили к распаду территориальных общественных структур [21]. Исследователь подробно описал реакцию местных властей, которые не смогли безучастно наблюдать успешный опыт самоорганизации и умело перенаправляли общественную инициативу в русло собственных интересов известными административными методами, как, например, в Саратове, где первые органы ТОС организовались в 1990 г., но уже скоро их актив был инкорпорирован в местные управы и поставлен на оклад.

Фактического обоснования объективной необходимости муниципализации общественных структур нет. ТОСы не могут и не должны подменять, «протезировать» структуры МСУ. Нет необходимости создавать нормативно для ТОСов право законодательной инициативы в органах МСУ (например, Положение о ТОС в Твери, принятое Тверской городской думой еще 1 июня 2006 г., позволяет вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных нормативных актов), поскольку закон о местном самоуправлении уже предусматривает возможность любого гражданина с любой инициативой включаться в процесс осуществления местного самоуправления. Сомнительным является ожидание эффекта от придания ТОСам правового статуса для финансово-хозяйственной деятельности с целью получения прибыли от использования находящихся на территории ТОС земли и имущества [22]. Не обоснована экономическая необходимость коммерциализации ТОСов, к которой неизбежно ведет задача бюджетообразования, а также интеграция ТОСов и ТСЖ (деятельность этих двух структур регламентируется разными федеральными законами, несмотря на то, что функции их во многом схожи).

Муниципализация местных сообществ, встраивание их в иерархию власти в качестве территориального звена влечет политизацию и коммерциализацию отношений внутри сообществ, разрушает гражданскую институциональную идентичность, что не способствует росту ресурса доверия, а наоборот, истощает его. Это препятствует раскрытию потенциала местных сообществ как универсальных институтов коллективной социализации и гуманизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бровка А. Г. Всероссийский семинар ТОС. Волгоград, 24—25 мая 2010 г. Стенограмма. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (дата обращения: 25.02.2012).
2. Васильев А. А. Основы территориального общественного самоуправления: научно-методическое (практическое) пособие. Нижний Новгород, 2004.
3. Fowler R. B. *The Dance with Community: The Contemporary Debate in American Political Thought*. Lawrence, 1991.
4. Корнилович В. А. Территориальное общественное самоуправление: проблемы развития и функционирования // Экономика мегаполисов и регионов. 2007. № 2. С. 54.
5. Green Richard T. Коммунитаризм // Государственное управление: словарь-справочник. М., 2001.
6. Белоусова Е. В. Территориальное общественное самоуправление как одна из форм реализации непосредственной демократии // Черные дыры в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 4.

7. *Кокарев И.* МСУ и ТОС: два режима демократии // Материалы Международной конф. «10 лет развития местных сообществ в России, СНГ, США и Европе: критерии эффективности», 17 сентября 2002 г., Москва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nfst.mccinet.ru/serv/main.html> (дата обращения: 25.02.2012).

8. *Морозова Л. Д.* Территориальное общественное самоуправление — будущее демократического общества // Юриспруденция. 2005. № 7.

9. *Дмитриев С. М.* Всероссийский семинар ТОС. Волгоград, 24—25 мая 2010 г. Стенограмма. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (дата обращения: 25.02.2012).

10. *Бабичев И. В.* Всероссийский семинар ТОС. Волгоград, 24—25 мая 2010 г. Стенограмма. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (дата обращения: 25.02.2012).

11. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005. С. 215—216.

12. *Шомина Е. С.* Всероссийский семинар ТОС. Волгоград, 24—25 мая 2010 г. Стенограмма. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (дата обращения: 25.02.2012).

13. *Шаломенцева Е. Г.* Всероссийский семинар ТОС: Волгоград, 24—25 мая 2010 г. Стенограмма. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (дата обращения: 25.02.2012).

14. *Секирина Е. Е.* Территориальное общественное самоуправление — школа гражданской активности // Практика муниципального управления. 2011. № 1.

15. *Мальковец Н. В.* Местное самоуправление: проблемы общественного участия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/178041>. (дата обращения: 23.07.2010).

16. За ТОСами — будущее России // Волга, 17 мая, № 66 (25937).

17. Федеральный закон «Об общих принципах местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003 № 40. Ст. 3822.

18. *Демьянов Е. А., Королев П. П.* Развитие территориального общественного самоуправления в Республике Мордовия // Проблемы местного самоуправления. 2003. № 3(7). С. 92.

19. Вовлечение населения в осуществление местного самоуправления. Опыт Иркутска. Всероссийский семинар ТОС. Волгоград, 24—25 мая 2010 г. Стенограмма. Ч. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=139> (дата обращения: 25.02.2012).

20. *Большаков А. М.* Деревня. 1917—1927. М., 1927. С. 77, 148—151.

21. *Левчик Д. А.* Комитеты общественного самоуправления в России (1988—1993 гг.). М.: МОНФ, 2000.

22. *Летуев М.* Общественное самоуправление: цель или средство // Вече Твери. 2010. № 78. С. 4.

1. *Brovko A. G.* Vserossiyski seminar TOS. Volgograd, 24—25 maya 2010 g. Stenogramma. Ch. 1 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (data obrashcheniya: 25.02.2012).

2. *Vasilev A. A.* Osnovy territorialnogo obshchestvennogo samoupravleniya: nauchno-metodicheskoye (prakticheskoye) posobiye. Nizhni Novgorod, 2004.

3. *Fowler R. B.* The Dance with Community: The Contemporary Debate in American Political Thought. Lawrence, 1991.

4. Kornilovich V. A. Territorialnoye obshchestvennoye samoupravleniye: problemy razvitiya i funktsionirovaniya // *Ekonomika megapolisov i regionov*. 2007. № 2. S. 54.
5. Green Richard T. Kommunitarizm // *Gosudarstvennoye upravleniye: slovar-spravochnik*. M., 2001.
6. Belousova Ye. V. Territorialnoye obshchestvennoye samoupravleniye kak odna iz form realizatsii neposredstvennoi demokratii // *Chernye dyry v rossiyskom zakonodatelstve*. Yuridicheski zhurnal. 2008. № 4.
7. Kokarev I. MSU i TOS: dva rezhima demokratii // *Materialy Mezhdunarodnoi konf. «10 let razvitiya mestnykh soobshchestv v Rossii, SNG, SShA i Yevrope: kriterii effektivnosti»*, 17 sentyabrya 2002 g., Moskva [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://nfst.mccinet.ru/serv/main.html> (data obrashcheniya: 25.02.2012).
8. Morozova L. D. Territorialnoye obshchestvennoye samoupravleniye — budusheye demokraticeskogo obshchestva // *Yurisprudentsiya*. 2005. № 7.
9. Dmitriyev S. M. Vserossiyski seminar TOS. Volgograd, 24—25 maya 2010 g. Stenogramma. Ch. 1 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (data obrashcheniya: 25.02.2012).
10. Babichev I. V. Vserossiyski seminar TOS. Volgograd, 24—25 maya 2010 g. Stenogramma. Ch. 1 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (data obrashcheniya: 25.02.2012).
11. Skott D. Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya uslovi chelovecheskoi zhizni. M., 2005. S. 215—216.
12. Shomina Ye. S. Vserossiyski seminar TOS. Volgograd, 24—25 maya 2010 g. Stenogramma. Ch. 1 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (data obrashcheniya: 25.02.2012).
13. Shalomentseva Ye. G. Vserossiyski seminar TOS. Volgograd, 24—25 maya 2010 g. Stenogramma. Ch. 1 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=138> (data obrashcheniya: 25.02.2012).
14. Sekirina Ye. Ye. Territorialnoye obshchestvennoye samoupravleniye — shkola grazhdanskoi aktivnosti // *Praktika munitsipalnogo upravleniya*. 2011. № 1.
15. Malkovets N. V. Mestnoye samoupravleniye: problemy obshchestvennogo uchastiya [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/178041> (data obrashcheniya: 23.07.2010).
16. Za TOSami — budushche Rossii // *Volga*, 17 maya, № 66 (25937).
17. Federalny zakon «Ob obshchikh printsipakh mestnogo samoupravleniya v RF» ot 06.10.2003 № 131-FZ // *SZ RF*. 2003 № 40. St. 3822.
18. Demyanov Ye. A., Korolev P. P. Razvitiye territorialnogo obshchestvennogo samoupravleniya v Respublike Mordoviya // *Problemy mestnogo samoupravleniya*. 2003. № 3(7). S. 92.
19. Vovlecheniye naseleniya v osushchestvleniye mestnogo samoupravleniya. Opyt Irkutsk. Vserossiyski seminar TOS. Volgograd, 24—25 maya 2010 g. Stenogramma. Ch. 2 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=139> (data obrashcheniya: 25.02.2012).
20. Bolshakov A. M. Derevnaya. 1917—1927. M., 1927. S. 77, 148—151.
21. Levchik D. A. Komitety obshchestvennogo samoupravleniya v Rossii (1988—1993 rr.). M. : MONF, 2000.
22. Letuyev M. Obshchestvennoye samoupravleniye: tsel ili sredstvo // *Veche Tveri*. 2010. № 78. S. 4.

© Керсанов О.В., 2012

Поступила в редакцию
в феврале 2012 г.

УДК 005-057.17-055.2(1-21)

*А. Д. Доника,
Е. В. Засядкина,
А. Ю. Руденко*

**ЖЕНЩИНА-МЕНЕДЖЕР
В КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ
ГОРОДЕ**

Обсуждаются результаты социологического исследования социальных параметров лидерства в крупном промышленном городе на модели социальной группы женщин-врачей. Результаты исследования продемонстрировали гендерные особенности менеджмента на примере устойчивости к профессиональному стрессу.

Ключевые слова:

женщина-лидер,
социальная роль,
профессиональный стресс,
гендерные особенности.

*A. D. Donika,
Ye. V. Zasyadkina,
A. Yu. Rudenko*

**WOMAN MANAGER
IN LARGE INDUSTRIAL TOWN**

Results of social research of social dimensions of leadership in the large industrial town are discussed on the model of the social group of women doctors. Research results were shown gender particularities of the management on an example of the stability to the professional stress.

Key words:

woman-leader,
social role,
professional stress,
gender particularities.

Современными экономическими маркерами большого индустриального города являются предприятия большого и малого бизнеса, сфера которого практически не знает границ. В свою очередь это определяет формирование особой социальной группы — так называемой бизнес-элиты, изучение которой как социального феномена интересует исследователей в области экономики, социологии, психологии. Отдельным направлением рассматриваемого проблемного поля является изучение гендерных особенностей менеджмента, связанного с наблюдаемой во всем мире тенденцией к феминизации, которая имеет отчетливый отраслевой характер. Области, где показатель феминизации достигает максимума, и западные, и отечественные социологи признают здравоохранение и науку (до 56 %). Это, в свою очередь, определяет тенденцию к завоеванию женщинами в этих областях лидирующих позиций. По оценке Института социологии РАН, в сфере здравоохранения среди руководителей женщины занимают около 30 %. В связи с этим мы проводили изучение гендерных особенностей лидерства в большом городе на модели системы здравоохранения.

Гендерная социология как частная социологическая теория изучает процессы развития и социального взаимодействия мужской и женской общностей, анализирует эволюцию их социальных статусов и отношений с учетом культурных традиций и стереотипов, а также рассматривает влияние биопсихологических особенностей пола на поведение и сознание мужской и женской частей общества [1].

Термин «гендер» (от английского «gender» — «пол», «род») утвердился в научных источниках некоторых стран мира (преимущественно в англоязычных) в 60-е годы XX в. В то же время в самой Великобритании, во Франции и во многих восточноевропейских странах он не прижился и там социологи продолжали развивать термин «women's studies». Дискуссии не умолкают и сегодня. Одни ученые рассматривают «гендер» только как совокупность биологических и физиологических признаков пола, другие — как некий «социальный пол», третьи вообще не признают такой термин и придерживаются определения «женские исследования». В России поня-

тия «гендер», «социогендерные отношения» также вызывают неоднозначную реакцию. Так, Е. Здравомыслова и А. Темкина в своей статье «Социальная конструкция гендера и гендерная система в России» утверждают, что «гендер — это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступа к власти, сексуальности, семейные роли и репродуктивное поведение».

В ходе подготовки к IV Всемирной конференции по положению женщин, проходившей в Пекине в сентябре 1995 г., в которой приняли участие 190 стран, вопрос о значении термина «гендерный» был вынесен на специальное экспертное обсуждение. В итоге было отмечено, что этот термин следует широко использовать в его «обычном, общепринятом значении». Данная линия была представлена в итоговом документе конференции — «Платформе действий по улучшению положения женщин», которая закрепила легитимность использования в научной лексике понятий «гендер», «гендерный фактор», «гендерные исследования».

В контексте нашей работы представляют интерес социологические исследования социального статуса женщины-руководителя Е. С. Гвоздевой, В. И. Гречикова, О. К. Самарцевой, Т. А. Фоминой, А. Е. Чириковой, О. Н. Кричевской, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной и др. [2—5]. Но эти исследования касаются в основном сферы бизнеса и не затрагивают отраслевой специфики.

Изучение гендерных особенностей лидерства в медицинском коллективе проводилось на модели 36 женщин-врачей, занимающих должности заведующих отделениями 24 ЛПУ г. Волгограда. Стаж работы — $10,2 \pm 3,2$ лет; стаж работы в руководящей должности — $7 \pm 1,3$ лет.

Для выявления гендерных особенностей лидерства в медицинской профессии проводился компаративный анализ аналогичных характеристик группы руководителей-мужчин ($N=39$).

Одним из направлений исследования являлось изучение толерантности к стрессу с гендерных позиций. Для врачей-руководителей толерантность к стрессу является значимым свойством, с одной стороны связанным с особенностями

Об авторах:

Доника Алена Дмитриевна — кандидат медицинских наук, доктор социологических наук, доцент, ответственный секретарь журнала «Биоэтика», доцент кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф, Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, addonika@yandex.ru

Donika Alena Dimitriyevna — Candidate of Medical Science, Doctor of Sociology, Assistant Professor, executive editor of "Bioethics" magazine, assistant professor of mobilization training of public health service and disaster medicine department, Volgograd State Medical University

Засядкина Елена Валерьевна — соискатель ученой степени кандидата медицинских наук, Волгоградский государственный медицинский университет, врач-стоматолог, г. Волгоград

Zasyadkina Yelena Valerevna — candidate for degree of Candidate of Medical Science, Volgograd State Medical University, doctor-stomatologist, Volgograd

Руденко Анастасия Юрьевна — соискатель ученой степени кандидата медицинских наук, Волгоградский государственный медицинский университет, врач ультразвуковой диагностики, 1602 окружной военный клинический госпиталь Северо-Кавказского военного округа, г. Краснодар

Rudenko Anastasiya Yurevna — candidate for degree of Candidate of Medical Science, Volgograd State Medical University, doctor of ultrasonic diagnosis, 1602 military clinical hospital of the North-Caucasian Military District, Krasnodar

профессионального поля, с другой — особенностями лидерской роли. Неслучайно в настоящее время приоритетным направлением исследования феномена лидерства является его изучение с позиций конфликтологии. Выделены три группы факторов, обуславливающих конфликты в медицинских учреждениях: экономические, административно-управленческие и психосоциальные с оценочными критериями «устойчивые», «неустойчивые» и «кризисные». Согласно результатам медико-социологических исследований, оценка руководителями и врачами конфликтогенных факторов различна.

Принципиальное различие состоит в том, что руководители считают наиболее распространенными (устойчивыми) конфликтогенными факторами административно-управленческие и психосоциальные (соответственно 94 и 87 % руководителей), а врачи — административные (83 % врачей) и только в кризисных ситуациях — психосоциальные (53 %) [6]. Анализ рассматриваемых данных позволяет сделать вывод, что истинные причины конфликтов часто замаскированы личностными особенностями участников социального взаимодействия. В этой связи особенно возрастает роль индивидуально-типологических и личностных свойств женщины-руководителя медицинского коллектива.

Руководитель как общественная позиция в коллективе и его личностные характеристики как предмет исследования особенно актуальны в условиях современного конкурентного рынка, так как от уровня квалификации, направленности его деятельности во многом зависят не только качество производства, но и психологический климат в коллективе, удовлетворенность работой исполнителей [7]. В ряде исследований была рассмотрена зависимость проявления СПВ от эффективности руководства. Так, в работе Е. А. Матяшевой и О. В. Голубь было показано, что «эмоциональное выгорание у респондентов ассоциируется, прежде всего, внутри коллектива, а именно с “профессиональной компетентностью руководителя”, “конфликтами с начальником”, “конфликтами с коллегами”, “взаимопонимание с коллегами”». Были получены пять значимых положительных корреляций (r от 0,899 до 0,955) между «эмоциональным выгоранием» и «конфликтами с начальником» [8].

В настоящее время устойчивость к профессиональному стрессу рассматривается с позиций социальных и медицинских стандартов, определяющих пять компонентов: эмоциональное благополучие, компетентность, автономность, притязания, интегрированное функционирование. Согласно этой интерпретации, компетентность, автономность и притязания, в свою очередь, также, как правило, определяют эмоциональное благополучие человека. Эмоциональное благополучие имеет в своей основе медицинские критерии через психические и (или) соматические расстройства. Таким образом, изучение нервно-психической устойчивости (далее НПУ) врачей-руководителей позволит не только оценить устойчивость к профессиональному стрессу с гендерных позиций.

Предложены многочисленные методики, выявляющие уровень стрессоустойчивости, нашедшие свое практическое применение в вопросах подбора кадров, в том числе психологического отбора. Наибольший интерес представляют методики, позволяющие при незначительных затратах времени дать интегральную оценку способности профессионала к действиям в экстремальных ситуациях. В этом отношении положительно себя зарекомендовала ме-

тодика определения нервно-психической устойчивости и риска дезадаптации в стрессе («Прогноз») Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии.

Согласно полученным результатам (табл. 1), у большинства исследуемых руководителей, независимо от пола, отмечены показатели уровней нервно-психической устойчивости с пятого и выше, характеризующих достаточную устойчивость к профессиональному стрессу. В среднем набранное количество баллов по шкале НПУ ($M \pm m$) у всех исследуемых составило 14,4—0,94 и не имело достоверных гендерных различий ($p > 0,05$).

Таблица 1

Распределение врачей-руководителей по уровням НПУ, %

Врачи-руководители	Распределение врачей-руководителей по уровням нервно-психической устойчивости		
	Средний (5-й)	Выше среднего (6—10-й)	Ниже среднего (1—4-й)
Мужчины	5,4*	71,1	22,8
Женщины	34,7*	56,1	7,1

Примечание: * $p < 0,05$ между показателями мужчин и женщин.

В то же время распределительный анализ выявил достоверные различия в соотношениях лиц с разным уровнем нервно-психической устойчивости среди мужчин и женщин. Так, у большинства мужчин отмечены уровни нервно-психической устойчивости выше среднего ($p < 0,05$), а лиц с низкими уровнями нервно-психической устойчивости меньше, чем среди женщин, $p < 0,05$.

В свою очередь, у половины исследуемых женщин-руководителей выявлены уровни НПУ выше среднего ($p < 0,05$ между числом лиц с высокими и низкими уровнями НПУ). Число лиц со средним уровнем НПУ среди женщин достоверно больше, чем среди мужчин ($p < 0,05$).

Таким образом, полученные данные демонстрируют зависимость уровня НПУ врачей-руководителей от пола. Среди мужчин больше лиц с высокими уровнями нервно-психической устойчивости, а среди женщин — с низкими уровнями ($p > 0,05$).

Согласно данным литературы, одним из показателей эмоциональной зрелости личности профессионала является ее готовность к риску. Риск-рефлексия отражает различную ориентацию сознания субъекта: «риск-неориентированные» характеризуются детерминирующим подавлением фактора случайности и ориентированы на заданность поведения, в то время как «риск-ориентированные» субъекты отличаются высокой степенью ориентации на неожиданность и непредвиденность обстоятельств в ходе конкретной деятельности. Социологическое исследование, проведенное на базе Саратовского государственного медицинского университета, показало высокую значимость рассматриваемого качества для реализации профессиональной роли врача, который в своей деятельности сталкивается с рисками, связанными как с последствиями болезни, так и с принятием решений [9].

Полученные результаты диагностики риск-рефлексии врачей-руководителей по методике Шуберта отражают гендерные особенности данного свойства (табл. 2). У женщин чаще регистрируются показатели рассматриваемого качества «ниже среднего» и «низкий» ($p < 0,05$ между другими градациями, выявленными в этой группе). Среди мужчин большинство обладает

средней степенью готовности к риску, при этом среди мужчин таких лиц больше, чем среди женщин ($p < 0,05$). Обращает внимание, что среди мужчин-руководителей не выявлено лиц с низкой готовностью к риску, а лиц с показателем градации «ниже среднего» меньше, чем среди женщин ($p < 0,05$). В то же время среди мужчин больше лиц с рассматриваемым показателем градаций «выше среднего» и «высокий» ($p < 0,05$). Выявленные особенности позволяют сделать вывод, что у мужчин риск-рефлексия выражена сильнее, чем у женщин (по большинству показателей $p < 0,05$). Полученные данные демонстрируют закономерную зависимость риск-ориентации от пола и позволяют положительно оценить лидерские наклонности мужчин-руководителей.

Таблица 2

Распределение врачей-руководителей по степени готовности к риску (по Шуберту), %

Врачи-руководители	Распределение врачей-руководителей по степени готовности к риску				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Мужчины	0	5,6*	67,7*	16,5	11,2
Женщины	7,1*	41,8	43,1*	7,1	0

Примечание: * $p < 0,05$.

Корреляционный анализ выявил линейную положительную связь между готовностью к риску (по Шуберту) и уровнем нервно-психической устойчивости (по шкале «Прогноз») — $r = +0,56$ для показателей этого качества у руководителей-мужчин.

Таким образом, проведенные исследования в целом свидетельствуют о более высокой устойчивости к профессиональному стрессу у руководителей-мужчин: высокие показатели нервно-психической устойчивости отмечены у 57,1 % женщин против 71,3 % мужчин; у 49,2 % женщин выявлены показатели риск-ориентации среднего и высокого уровня против таких же показателей у 94,4 % мужчин. В то же время и у значительного числа мужчин выявлены факторы риска развития профессионального стресса: низкие уровни нервно-психической устойчивости у 23,3 %.

Таким образом, результаты проведенного исследования демонстрируют не столько значимо меньшую устойчивость к стрессу руководителей-женщин, сколько особенности рассматриваемого качества с гендерных позиций. В то же время исследование показало актуальность мероприятий социально-психологического сопровождения «женского менеджмента», среди которых — организация на муниципальном уровне обучающих семинаров, психологических тренингов для женщин-менеджеров, создание для них социальных сетей, а также популяризация городскими средствами масс-медиа как образа женщины-руководителя, так и психологических навыков ауторелаксации и аутомобилизации в стрессовой ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Силласте Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // СОЦИС. 2000. № 11. С. 5—10.
2. Гвоздева Е. С., Герчиков В. И. Штрихи к портрету женщин-менеджеров // СОЦИС. 2003. № 11. С. 36—45.

3. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // СОЦИС. 2003. № 11. С. 15—21.

4. *Самарцева О. К., Фомина Т. А.* Мужчина и женщина: менеджмент в сфере бизнеса // СОЦИС. 2000. № 11. С. 57—62.

5. *Чирикова А. Е., Кричская О. К.* Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ «Я» // СОЦИС. 2000. № 11. С. 45—52.

6. *Решетников А. В.* Социология медицины : учебник. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2007. С. 193.

7. *Приведенцева А. М., Голубь О. В.* Психологические особенности эффективного стиля руководства в организации // Медико-биологические и психолого-педагогические аспекты адаптации и социализации человека : материалы 4-й Всеросс. научно-практ. конф. Волгоград, 2005. С. 309—311.

8. *Матяшева Е. А., Голубь О. В.* Изучение отношения сотрудников к деятельности специалиста-психолога в организации // Медико-биологические и психолого-педагогические аспекты адаптации и социализации человека : материалы 4-й Всеросс. науч.-практ. конф. Волгоград, 2005. С. 312—315.

9. *Андрянова Е. А.* Риск-рефлексия как фактор профессионализации медицины // Социология медицины. 2005. № 2(7). С. 25—29.

1. *Sillaste G. G.* Gendernaya sotsiologiya kak chastnaya sotsiologicheskaya teoriya // SOTSIS. 2000. № 11. S. 5—10.

2. *Gvozdeva Ye. S., Gerchikov V. I.* Shtriki k portretu zhenshchin-menedzherov // SOTSIS. 2003. № 11. S. 36—45.

3. *Zdravomyslova Ye. A., Temkina A. A.* Sotsiologiya gendernykh odnosheni i genderny podkhod v sotsiologii // SOTSIS. 2003. № 11. S. 15—21.

4. *Samartseva O. K., Fomina T. A.* Muzhchina i zhenshina: menedzhment v sfere bisnesa // SOTSIS. 2000. № 11. S. 57—62.

5. *Chirikova A. Ye., Krichevskaya O. K.* Zhenshchina-rukovoditel: delovye strategii i obraz «Ya» // SOTSI. 2000. № 11. S. 45—52.

6. *Reshetnikov A. V.* Sotsiologiya meditsiny : uchebnik. M. : GEOTAR-media, 2007. S. 193.

7. *Privedentseva A. M., Golub O. V.* Psikhologicheskie osobennosti effektivnogo stilya rukovodstva v organizatsii // Mediko-biologicheskie i psikhologo-pedagogicheskie aspekty adaptatsii i sotsializatsii cheloveka : materialy 4-й Vseross. nauch.-prak. konf. Volgograd, 2005. S. 309—311.

8. *Matyasheva Ye. A., Golub O. V.* Izucheniye odnosheniya sotrudnikov k deyatelnosti spetsialista-psikhologa v organizatsii // Mediko-biologicheskie i psikhologo-pedagogicheskiye aspekty adaptatsii i sotsializatsii cheloveka : materialy 4-y Vseross. nauch.-prak. konf. Volgograd, 2005. S. 312—315.

9. *Andriyanova Ye. A.* Risk-refleksiya kak faktor professionalizatsii meditsiny // Sotsiologiya meditsyny. 2005. № 2(7). S. 25—29.

© Доника А. Д., Засядкина Е. В., Руденко А. Ю., 2012

Поступила в редакцию
в феврале 2012 г.

УДК 32

Н. С. Дягилева, Л. А. Журавлева

**ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА,
ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

Рассматривается понятие городской идентичности, ее структурные основы, а также факторы, влияющие на процесс формирования городской идентичности.

Ключевые слова:

городская идентичность,
городская общность,
столичный город,
провинциальный город,
образ города,
знаковое место,
локальный миф,
городской символ.

N. S. Dyagileva, L. A. Zhuravleva

**TOWN IDENTITY:
CONCEPT, STRUCTURE,
BASES OF FORMATION**

Concept of the town identity, its structure bases and factors which are influenced on the forming of the town identity are considered.

Key words:

town identity,
town community,
capital town,
country city,
image of town,
symbolic place,
local myth,
city symbol.

В современной России наблюдается тенденция к урбанизации, которая проявляется как в росте количества новых городов, так и в интенсивном развитии и укрупнении уже существующих. Исследование феномена городской идентичности в свете тенденции к урбанизации образа жизни, повышению территориальной мобильности населения является актуальной междисциплинарной проблемой и находит свое отражение в социологии, философии, культурологии, урбанистике, гуманитарной географии, психологии, а также теории градостроительства.

Город — это пространство, в котором люди обустривают жизнь, накапливают опыт, приобретают чувство идентичности [1, с. 30]. Конкретизировать данный тезис можно рассуждениями Р. Флориды, который подчеркивает, что идентичность человека все больше зависит от места, например места жительства — того или иного города. Флорида вводит понятие «качества места» [2]. Качество места, согласно теории Флориды, обладает тремя измерениями: что там есть (сочетание природы и архитектурной среды); кто там есть (разные сообщества, их взаимодействие); что там происходит (энергия улиц, культура и атмосфера места, искусство, активная творческая деятельность). Именно эти компоненты детерминируют формирование городской идентичности.

Горожане — одна из наиболее общих групп, к которым может принадлежать индивид, поэтому изучение процессов отождествления с различными городскими и более локальными (районными, к примеру) социальными группами, структуры и механизмов городской идентичности является актуальным в социологической теории и практике.

Рассмотрение данной темы предполагает уточнение основных понятий, главными из которых являются «городская общность» и «городская идентичность».

Под городской идентичностью понимается результат идентификации человека с городской общностью как большой социальной группой, отличающейся от ряда других общностей, выделяемых по признаку городской принадлежности.

В структуру городской идентичности входят когнитивный компонент (знания, представления

об особенностях своей группы, осознание принадлежности к ней) и аффективный компонент (оценка значимости этого членства).

Под городской общностью понимается большая социальная группа, сложившаяся в ходе культурно-исторического развития общества, объединяющая людей, проживающих (или относящих себя к проживающим) в одном городе и разделяющих в силу этого сходные представления о нормах и правилах поведения, выступающих регуляторами их поведения в различных ситуациях социального взаимодействия [3, с. 29].

Городская общность, являясь большой социальной группой, может быть охарактеризована по таким параметрам, как статус группы и характеристики групповых границ.

Статус группы определяется ее местом в системе социальной стратификации и обуславливается доступностью для ее представителей различных материальных и духовных ресурсов. Одной из наиболее значимых характеристик статуса города является дихотомия столичность — провинциальность, причем столичные города обладают более высоким статусом.

Проницаемость групповых границ демонстрирует, насколько легко члены группы могут покинуть ее и присоединиться к другой социальной группе. Проницаемость групповых границ может предоставлять возможности членам низкостатусных групп повысить свое социальное положение, именно поэтому проницаемость границ провинциальных городов выше, чем столичных, что является следствием оттока жителей из провинциальных городов в столичные.

Однако, в сравнении с другими компонентами социальной идентичности (например, гендерным, этническим и др.), границы городской общности в целом довольно проницаемы, на что указывает большое количество межгородских миграций населения.

Эмпирическими исследованиями доказано, что физические границы городской территории менее значимы для субъективной дифференциации людей на «своих» и «чужих» по городскому признаку, чем идентификационный механизм категоризации: можно считать «своим» того, кто формально живет за пределами города, и «чужим» того, кто проживает в нем [4].

Об авторах:

Дягилева Наталья Сергеевна — аспирант кафедры социологии, Институт социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ), г. Екатеринбург, старший преподаватель кафедры маркетинга, зам. начальника Научно-исследовательского отдела, Екатеринбургская академия современного искусства (ЕАСИ), (343)253-73-17, n.dyagileva@eaca.ru

Dyagileva Natalya Sergeevna — post-graduate student of sociology department, Institute of Sociology and Law of Russian State Professional Pedagogical University (RSPPU), Yekaterinburg, senior professor of marketing department, deputy chief Scientific Officer, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (EACA)

Журавлева Людмила Анатольевна — кандидат философских наук, профессор кафедры социологии, Институт социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета, (343)246-99-05, hlarcs72@mail.ru

Zhuravleva Lyudmila Anatolevna — Candidate of Philosophy Science, professor of sociology department, Institute of Sociology and Law of Russian State Professional Pedagogical University

Городская идентичность, являясь компонентом социальной идентичности, тесным образом взаимосвязана с ингрупповым подобием и межгрупповой дифференциацией. Поэтому, основываясь на положениях теории социальной идентичности Г. Теджфела и Дж. Тернера, можно утверждать, что городская идентичность — результат процесса социальной категоризации, основанием для которой выступает принадлежность человека к той или иной городской общности [3, с. 32]. Социальной ингруппой (группой членства) является для человека собственная городская общность; аутгруппой — жители других городов, а также люди, проживающие в сельской местности.

Таким образом, можно предположить, что в содержании городской идентичности выражены три смысловых ядра. Первое подразумевает осмысление норм и ценностей городского жителя вообще в противопоставлении к сельскому образу жизни («Я — горожанин»). Второе позволяет определить место городской принадлежности в континууме столичность — провинциальность. Третье связано с идентификацией с конкретной городской общностью, с принятием именно ее ценностей («Я — москвичка», «Я — екатеринбуржец») в противопоставление ценностей жителей других городов.

Остановимся на каждом из этих компонентов городской идентичности подробнее.

Интересно отметить, что столичность, провинциальность и сельскость могут определяться не только качественными характеристиками, но и количественными критериями, имеющими индекс урбанизации. Он принимает значение от 0,125, если все представители территориального сообщества живут в сельской местности, рабочих поселках и поселках городского типа, до 1 — присваивается столицам, индекс 0,5 присваивается крупным и 0,25 — средним и малым городам [5].

Дихотомию город — деревня рассматривали многие ученые-урбанисты и социологи города и села. Г. Зиммель в книге «Большие города и духовная жизнь» рассматривал такие отличия большого города от деревни, основанные на денежном хозяйстве больших городов и скудости обменных отношений деревень: быстрый темп жизни, высокая скорость смены впечатлений и многообразие жизни в городах; преобладание интеллектуального характера душевной жизни, делового, рассудочного (бесчувственного) отношения к людям, характерного для жителей городов; обособленность и замкнутость жителей городов и открытость взаимоотношений жителей деревень.

Л. Вирт также сравнивал особенности городского и сельского населения. В работе «Урбанизм как образ жизни» он сформулировал тезисы, посвященные взаимосвязи между количеством, плотностью, гетерогенностью населения и жизнью его групп. Обобщая описанные Виртом признаки города, возможно сформулировать его определение: город (в отличие от деревни) — это относительно большое, плотно заселенное поселение социально разнородных индивидов.

Вслед за Г. Зиммелем и Л. Виртом продолжил экспериментальное изучение отличительной специфики городов С. Милграм. Он ввел понятие перегрузки как социального феномена, характеризующего процессы социальной коммуникаций в городе. К особенностям коммуникации между жителями города Милграм относит: пренебрежение информацией, которая не является первоочередной; допущение поверхностных форм участия во взаимодействии

ях с другими людьми; наличие социальных средств защиты и отбора между индивидом и поступающей информацией и т. д. Все эти принципы коммуникации позволяют горожанам избежать информационной перегрузки.

Современные социологические исследования констатируют постоянное увеличение доли городского населения в различных странах. Причины такой тотальной урбанизации видятся в том, что город в сравнении с деревней представляет собой совокупность социальных выгод.

Городской образ жизни включает в себя множество привлекательных элементов, таких как дифференциация производственной деятельности, досуга, образования, бытовых условий, средств массовой информации, а также обслуживания, связи, транспорта и т. д., которая порождает социокультурное разнообразие и выбор; мобильность как психологическая установка личности на саму возможность изменения профессии, социальных связей, места в городе, обновление информации в различных сферах городской жизни [1, с. 33—34].

С. Милграм о привлекательности жизни в городах пишет следующее: «Города обладают большой притягательной силой из-за их разнообразия, насыщенности событиями, наличия возможности выбора и стимулирующего влияния их напряженной атмосферы, что для многих людей является желательным жизненным фоном. Большой город предоставляет на порядок больше возможностей для коммуникации. Большой город дает возможность выбора, которого не может предложить ни одна другая социальная структура» [6, с. 32].

Городской образ жизни основан на относительно высокой пространственной, профессиональной и социальной мобильности горожан [7]. Жизнь в городе обуславливает включение личности в разнообразные группы, составляющие городскую общность. Разнообразие видов деятельности в городе создает потенциальную возможность для более универсального развития личности.

Таким образом, учитывая специфические отличительные особенности городов, можно сформулировать тезис о том, что именно городской образ жизни определяет городскую идентичность жителей в понятии «Я — горожанин».

Далее рассмотрим дихотомическую пару столичный город — провинциальный город. Идентификация себя в качестве столичного/провинциального жителя имеет большое значение при формировании городской идентичности личности. Процесс идентификации проходит под влиянием особенностей и условий жизни столичных и провинциальных городов.

Рассмотрим критерии для дифференциации столичных и провинциальных городов.

1. Численность населения. Численность населения является ключевым показателем столичности или провинциальности города. Столично-провинциальные отношения к городам складываются не в рамках страны в целом, а в рамках отдельных регионов, крупные и центральные города в которых приобретают «столичный» статус, прикрепляя к средним и малым городам ярлык областной периферии.

2. Доступность для населения различных ресурсов (экономических, политических, культурных). В. В. Вагин подробно анализирует данные ресурсы столичных и провинциальных городов [8, с. 53].

Экономический критерий связан с уровнем развития промышленности. Для провинциального города характерен доиндустриальный или индустриальный уровень, традиционные технологические подходы и зависимость экономической эффективности преимущественно от внешних факторов, например от поступления бюджетных средств, тогда как столичные города характеризуются постиндустриальным уровнем развития производства, применением новейших технологий и разработок, различными стратегиями самостоятельной экономической деятельности.

Политический критерий определяется полномочиями и пределами самостоятельности законодательной власти: столичные города в этом смысле получают определенные свободы в отличие от провинциальных. Кроме того, для столичных городов в большей степени, чем для провинциальных, характерен плюрализм политических мнений и позиций.

Культурная специфика столичных и провинциальных городов задана различной степенью доступности культурных продуктов и культурных учреждений, а также уровнем интереса к различным культурным событиям, который в столичных городах выше, чем в провинциальных.

С. Н. Жирякова высказывает аналогичную точку зрения, разделяя столичные и провинциальные города по признаку комфортности, под которым понимается наличие жизненных удобств, благоустройство среды, организация транспорта, связи, а также культуры, доступность образовательных и иных интеллектуальных услуг. Под столичностью понимается сочетание в крупнейшем политическом и культурно-историческом центре страны территориальной сверхконцентрации производительных сил, сверхспециализации функций управления и определяемого ими специфического образа жизни населения [5].

3. Особенности жизнеустройства жителей столичных и провинциальных городов. В. В. Вагин отмечает, что провинциальное жизнеустройство воспроизводит традиционные уклады жизнедеятельности российских домохозяйств [8, с. 54].

Ж. Д. Ефремова, исследуя провинциальный образ жизни, приходит к выводу, что он определяется традиционным русским менталитетом, который характеризуется следующими чертами: сочетание абсолютно противоположных черт и постоянный переход из крайности в крайность; тяга к абсолютным ценностям и утопизм сознания; преобладание чувственного восприятия над рациональным; приоритет духовно-нравственных ценностей над практическими результатами; неразвитость индивидуалистического начала; консерватизм политических, экономических и ценностных установок населения [9].

Соответственно, столичный менталитет, определяющий столичный образ жизни, характеризуется внутренней непротиворечивостью базовых убеждений, прагматизмом, рационализмом, представлениями об относительности добра и зла, приоритетом индивидуалистического начала над коллективистическим [3, с. 10].

4. Пространственно-временные критерии. Данную группу критериев дифференциации столичных и провинциальных городов выделяет Г. В. Акопов [10]. В его тезисах дихотомия столичность — провинциальность становится мерой пространства и времени. Для столичных городов типично большое количество значимых событий в единицу времени. Для провинции,

наоборот, характерно более медленное течение как исторического времени, благодаря которому можно соотнести актуальный уровень цивилизационного развития города с прогрессивными городами-мегаполисами, так и хронологического, определяющего более спокойный ритм жизни. Помимо этого, столичные города отличаются от провинциальных организацией пространства: размерами, характером застройки, удаленностью от центра.

5. Ландшафтная специфика. Данный критерий анализирует В. Каганский. Говоря о ландшафте провинции, он отмечает, что провинция — это сложное взаимодействие достаточно отчетливо выраженных отдельных мест, она состоит из довольно крупных специализированных частей. При этом индивидуальность каждого места много ярче, чем провинции в целом, тогда как индивидуальность центральных (столичных) городов ярче и значимее индивидуальности составляющих их отдельных мест. Обусловленность ландшафтного пространства провинции Каганский видит в географическом положении, исходном природном ландшафте и характере производства.

Каганский большую роль в развитии ландшафта отдает природному компоненту. Именно этот компонент отличает провинциальный город. «Природная основа и природная специфика культурного ландшафта провинции ясно читается и, несомненно, переживается населением. Оно знает и ценит природные памятники своей территории наряду с культурными» [11, с. 250].

Природа оказывает влияние и на деятельность жителей провинциального города: человеческая деятельность и жизнь в провинции включена в естественное, природное время, для нее существенны времена года и часы суток, хозяйственная жизнь провинции вписана в природные ритмы. Специфика и разнообразие ее природного ландшафта обязательно и достаточно полно используются в хозяйстве и культуре.

Каганский подчеркивает отличие между деятельностью жителей провинции и центральных городов. В провинции относительно преобладает работа с вещами (причем эта деятельность имеет тесную связь с конкретным местом), а не со знаками. Производятся вещи, изделия, материальные продукты, а не законы, нормативы, инструкции, символы, как в центральных городах.

6. Особенности ментальности. Через призму особенностей ментальности Т. В. Иванова [12] выделяет следующие отличительные признаки столичности-провинциальности:

городские ориентиры (символы города) — основные достопримечательности города, по которым его узнают даже за его пределами: чем больше таких символов, тем более город столичен (менее провинциален), и наоборот;

городские территории — «дробность» городского пространства, количество административных и представленных в обыденном сознании микрорайонов: чем меньше районов, тем более провинциален город, и наоборот;

городские маршруты — «общие» пути, основные улицы города: чем меньше количество маршрутов и их длина, тем более провинциален город, и наоборот;

высотность — средняя этажность домов в городе, представленная в обыденном сознании: чем выше этажность, тем более столичен город, и наоборот;

темпоритм — динамичность основных городских процессов (скорость передвижения по городу, скорость распространения информации, скорость речи и т. д.): чем ниже скоростные показатели, тем более провинциален город, и наоборот;

психологическое ядро — объекты, наиболее значимые для всех горожан и безошибочно узнаваемые ими: для провинциального города характерно «монолитное» ядро, в столичном городе таких ядер несколько;

историческое прошлое города — значимые в масштабе страны исторические события, отраженные в сознании жителей города: в провинциальных городах в сравнении со столичными таких событий значительно меньше.

Напротив, если же говорить о локальной культурно-исторической памяти, то, по мнению Е. В. Дзякович, ее актуализация является одним из основных признаков провинции: «Так, в частности, имеет смысл говорить о коллективной памяти семьи, религиозной коллективной памяти, локализации памяти и ее отражении в речи. Все эти аспекты социальной памяти в наибольшей степени актуализируются в провинции. Именно там мы можем столкнуться с их особенно концентрированными проявлениями» [13].

Значение для провинции культурного ландшафта и традиций отмечает В. Каганский: «Культурный ландшафт провинции оестественен, сложен и сглажен временем и традицией. Провинции без традиции не бывает» [11, с. 250].

Еще одной особенностью социальной среды провинции, которую выделяют исследователи, является ее консерватизм — «как в позитивном понимании этого слова, так и в его негативном значении» [14]. «Однако не следует упускать из вида, что провинциальный механизм стабилизации, особенно очевидный при сопоставлении с креативным, мобилизующим началом центра, не является, да и не может быть все определяющим “вдали от шума городского”. Ведь эту притормаживающую функцию, консервативную роль хранительницы традиционного провинция выполняет в рамках большой системы» [15], — отмечает в своем исследовании Н. М. Инюшкин. В. Каганский также пишет о консервативности провинции: «Внедрение экзотических и просто новых групп населения, технологий и элементов ландшафта в провинциальную среду весьма затруднено в силу ее инертности, консервативности, но, прежде всего, полноты социокультурной структуры (нет свободных социальных ниш)» [11, с. 249].

7. Особенности социальных коммуникаций. С. Милграм выделяет следующие социально-коммуникативные особенности больших городов по сравнению с малыми, провинциальными городами:

различия в исполнении ролей (тенденция жителей больших городов взаимодействовать друг с другом в узкоспециализированных функциональных рамках);

изменение в когнитивных процессах жителя большого города (его неспособность отразить большинство людей, которых он видит в течение дня);

более сильная конкурентная борьба за дефицитные технические средства и ресурсы в больших городах (толкучка в метро, борьба за такси, транспортные пробки и т. д.);

эволюция городских норм (в больших городах не просто нарушаются традиционные правила учтивости, скорее, в них формируются новые нормы, предписывающие невмешательство, стремление остаться в стороне, что приводит к обезличенности и отчужденности жизни в большом городе) [6, с. 42].

Х. Э. Штейнбах и В. И. Еленский [16] называют такую особенность межличностных коммуникаций в больших городах эффектом «рваной коммуникативной цепи», который заключается в низком уровне ответных реакций на

поведение партнера по взаимодействию, слабой выраженности социальной поддержки и социальной солидарности. В провинциальных же городах распространена соседская поддержка и взаимопомощь, лежащая в основе довольно сильной социальной поддержки.

Ограниченность моральной и социальной вовлеченности горожанина в жизнь других жителей большого города С. Милграм объясняет «вертикальностью» столичного города и «плоскостью» города провинциального: «Обитателю небоскреба, по большому счету, абсолютно все равно, что делается у него под ногами или над головой. Обитатели разных уровней никак не пересекаются и не соотносятся друг с другом» [6, с. 119].

8. Нормативное поведение. Ф. Зимбардо описал эффект деиндивидуализации, характерный для больших городов, приводящий к снижению социального контроля за каждым конкретным человеком. Кроме того, для больших городов типична обезличенность, которая повышает анонимность поступков отдельного человека и позволяет горожанам чаще выходить за пределы нормативного поведения [3, с. 11].

А. В. Микляева и П. В. Румянцева отмечают, что снижение социального контроля также приводит к возникновению и проявлению различных поведенческих девиаций, которые ложатся в основу разнообразных городских сообществ. Благодаря такому разнообразию поведенческих проявлений жители городов-мегаполисов в целом более толерантны к поведению, выходящему за рамки норм, в сравнении с населением провинциальных городов.

В провинциальных городах, напротив, возникают специфические, четкие нормы и правила поведения. Социальный контроль здесь значительно выше, чем в мегаполисе: любой выход за предписываемые рамки нормативного поведения осуждается, уровень толерантности к поведенческим девиациям в провинциальных городах значительно ниже [3, с. 11].

Таким образом, понятия «столичный город» и «провинциальный город» детерминированы не только географическим положением и численностью населения, но и определенным способом восприятия и организации жизни, что позволяет рассматривать их как компоненты городской идентичности личности.

Перейдем к рассмотрению третьего смыслового ядра городской идентичности — идентификации с общностью конкретного города (например, «я — петербуржец»).

Е. Н. Заборова, анализируя характеристики социальной общности определенного города, использует понятие «горожанин». Под горожанами понимаются коренные жители городов и проживающие в городе достаточно долго жители других типов поселений. Время, необходимое для адаптирования к городской среде и приобретения качеств коренных горожан, определяется в научной литературе периодом в 5—10 лет, однако для того, чтобы превратить в сельского жителя стопроцентного горожанина, требуется значительно больше времени [17, с. 32].

Из этого следует, что проживание в определенном городском пространстве детерминирует формирование и развитие городской идентичности. Однако городская территория не является единственным фактором, поэтому поддержание городской идентичности возможно и вне конкретного города, поскольку границы города проницаемы для мобильности его жителей, и, на-

ходясь в течение небольшого количества времени за пределами города, человек способен сохранять свою городскую идентичность.

Заборова, говоря о горожанине как целостной системе, выделяет такие его составные элементы: горожанин как индивид (личность); горожанин как представитель различных социальных групп; горожанин как выражение специфических черт, порождаемых городом. В последнем случае имеет место характеристика городской идентичности горожанина, т. е. рассмотрение жителя города как представителя городской социальной общности. «В понятии “горожанин” фиксируются не просто характеристики, детерминированные спецификой городской промышленности, экологии, транспорта, сферы быта, но черты, опосредованные самой системой социально-культурных связей, присущих городской среде, спецификой материально-вещной городской среды, пространственными характеристиками города, городом как неким целостным образованием» [17, с. 35].

В литературе предлагаются различные критерии, позволяющие проанализировать городскую идентификацию отдельного человека. К таким критериям можно отнести:

территориальный критерий (субъективно воспринимаемые границы территории своего города);

временной критерий (субъективно воспринимаемая хронология городской жизни, связь индивидуальной хронологии с хронологией городской общности);

поведенческий критерий (демонстрация типичных для данной городской общности моделей поведения);

психосоциальный критерий (демонстрация типичного для городской общности образа жизни);

социальный критерий (субъективное переживание однородности городской общности);

идеологический критерий (использование культурных и идеологических значений, транслируемых городской общностью) [18].

Из этого следует, что городскую идентичность необходимо трактовать в аспекте социальной идентичности человека. Поэтому жителей одного города, составляющих городскую общность, можно рассматривать как носителей сходных представлений о своем городе и других городах, которые отражают:

представления о городе и его роли в жизни страны;

представления о городских нормах и правила поведения;

коллективную историческую память;

переживания, сопряженные с конкретными местами и территориями;

представления о нормативном образе жизни горожан;

представления о нормативных способах взаимодействия и моделях поведения [19].

В литературе отмечается, что содержание социальных представлений формируется именно на макроуровне. Социальные нормы и ожидания создаются в больших устойчивых социальных группах и позже доводятся до конкретного человека в процессе социализации и освоения им разнообразных социальных ролей [20], таких, как, к примеру, «петербуржца» или «москвича» и т. д.

В основе формирования идентичности с городом лежат общедоступные символы, генерируемые городской общностью, которые принимают материальную форму за счет наделения ими различных природных или культурных объектов, способствуют проявлению чувства принадлежности и усиливают сплоченность горожан [21].

Таким образом городская идентичность формируется в процессе взаимодействия с социальной реальностью, в котором эта реальность субъективно осмысливается в соответствии с имеющейся у человека системой жизненных отношений и потребностей. Это позволяет утверждать, что городская идентичность обладает смысловой природой, что означает, что содержание городской идентичности в сознании человека существует в виде «свернутых смыслов», которые, актуализируясь в различных ситуациях социального взаимодействия, начинают транслировать нормы и правила, регулирующие поведение человека [3, с. 33].

Поскольку город — это искусственная, социально созданная и социально адаптированная среда проживания, его основной «каркас» образуют результаты деятельности человека — городские здания, сооружения, большая и малая городская архитектура, пространства пешеходного и транспортного движения. Эту точку зрения на город как некое пространственное построение высказывает и К. Линч, называя город «конструкцией в пространстве гигантского масштаба» [22, с. 5]. Он выделяет такие предметные формы, которые составляют содержимое городов, как пути, границы, районы, узлы и ориентиры.

Городское пространство неоднородно, в его структуре существуют отношения соподчинения и встроенности. Так, можно выделить городское и загородное пространство; в городском пространстве существует пространство зданий; придомовое пространство (гаражи, столбы, зеленые насаждения, детская площадка и т. д.); пространство пешеходного и транспортного передвижения (внутри которого — транспортные средства, знаки дорожного движения, светофоры); зеленые зоны. Именно в этих подпространствах — на станциях метро, на детских площадках, в торговых центрах — и существует внутренняя жизнь города, здесь люди в основном контактируют с городом, с его средой, аурой и культурой.

Городское пространство, а в большей части его материально-вещный компонент, создают определенный образ города.

К. Линч, исследуя образы городов, складывающиеся в сознании жителей, придает особое значение визуальности городов: ясности и читаемости городского ландшафта, опознаваемости и вообразимости городских объектов. Материально-вещная пространственная среда, по Линчу, «способна служить подосновой для знаков коммуникации внутри группы, для коллективной памяти» [22, с. 7]. Таким образом, ментальный образ города, который захватывает большое количество жителей, является результатом формирования городской идентичности: «Каждый индивидуум создает и несет свой собственный образ, но может существовать значительное согласие между членами одной и той же группы» [22, с. 7].

Иными словами, у горожанина существует «свой город» (связанный с субъективными переживаниями и воспоминаниями, с местами, имеющими личностное значение), и «наш город» (это коллективный образ города, субъектом которого является городское сообщество, члены которого идентифицируют себя с ценностями данной территории).

Таким образом, образ города не является продуктом исключительно индивидуального опыта конкретной личности, это результат активности городской социальной общности, который включает в себя субъективное восприятие города, оценку имеющихся в городе ресурсов, представления о нормативном образе жизни, представляя собой, таким образом, социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый представителями городской общности [3, с. 28].

Основываясь на работах Д. Н. Замятина, посвященных географическим пространствам и образам, можно сформулировать следующие конструкты, являющиеся основами для образования чувства сплоченности городской общности, а значит, формирования и поддержания городской идентичности:

1. Образ города (географический образ) — система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию; это устойчивые пространственные представления, компактные модели определенного географического пространства [23].

Применительно к городу Замятин использует термин «гуманитарно-географический образ города». Это система упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах какого-либо города, а также система знаков и символов, наиболее ярко и информативно представляющих и характеризующих определенный город [24, с. 278].

К описанию образа города относится информация с определенной эмоциональной или аксиологической оценкой по поводу особенностей географического положения, истории развития, специализации города, обычаев горожан, примечательных событий, упоминания города и/или его жителей в истории страны или региона, произведениях литературы и искусства.

Среди факторов, определяющих развитие и структуру образа города, можно выделить: динамичность развития города, пространственную изменчивость города, его территорий и функций, контекст его восприятия в более масштабных образно-географических системах.

При формировании образа города формируется и особый городской лексикон — слова, наиболее ярко характеризующие территорию (имена людей, топонимы, исторические и культурные события, памятные места и пр.). «Как правило, городской лексикон сгущает, концентрирует наиболее важные в потенциальном отношении образные точки» [24, с. 289].

Нижеперечисленные конструкты — знаковые места и городские символы, городская мифология и локальные истории — являются основными элементами разработки гуманитарно-географического образа города.

2. Знаковые места города. Знаковое место — пространство, имеющее определенные семиотические характеристики, т. е. осмысляемое (наполняемое экзистенциальными смыслами) с помощью историко-культурного, социального, политического, географического воображения на основе реальных или вымышленных событий.

Знаковым местом городского пространства могут быть здание (светское здание, религиозное здание — церковь, храм, колокольня; просто здание — визуальная доминанта ландшафта), комплекс зданий (замок, центр средневекового города, монастырь и т. д.), природные образования (гора, холм, пруд, река, озеро или их береговая линия), какой-либо памятник или территория

рядом с ним или вокруг него, разграничительная линия искусственного происхождения (например, Берлинская стена) и т. д.

Знаковость места в целом определяется теми сообществами или отдельными личностями, которые могут либо воспринимать семиотические/смысловые коннотации, задаваемые данным местом, либо устойчиво их воспроизводить в целях поддержания собственной идентичности, либо автономно создавать и разрабатывать семиотические коннотации данного места (исходя из конкретных знаний о месте, образе места) в каких-либо профессиональных, социокультурных, политических и экономических целях, либо конструировать непосредственные экзистенциальные стратегии, опирающиеся на образ данного места [25, с. 35].

3. Локальные мифы — это система специфических устойчивых нарративов, распространенных на определенной территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру [25, с. 38]. Локальные мифы напрямую связаны со знаковыми местами, поскольку их функционирование и воспроизводство невозможно без конкретных, достаточно регулярных и семиотически насыщенных топографических событий.

4. Локальные истории — история человека, дома, улицы и т. д. — могут использоваться при формировании городского образа или более локального образа микрорайона города. Небольшие и часто малоизвестные пространства-образы, создаваемые локальными историями, являются интровертными, не развернутыми к «большим» истории, культуре и географии, но их роль — в накоплении, переработке и глубокой интерпретации местных событий, как бы невидимых издалека и свысока — довольно серьезна для создания образа города.

Локальные мифы и истории, знаковые места могут быть связаны с «гением места», под которым понимается человек-творец, либо родившийся и живший какое-то время в данном городе, либо описавшим образ города в своих произведениях, либо творивший в этом месте, тем самым создавая его творческую ауру [24, с. 315].

Феномен «гения места» довольно подробно рассматривается Н. Ю. Замятиной. Она определяет его как фигуру, персонифицирующую местную идентичность. Замятина выделяет взаимосвязь между «гением места» и развитием некоторого места (города) в следующих аспектах: формирование местной традиции (передаваемые из поколения в поколение некоторые навыки, знания, занятия и умения, специфические для данного места); формирование местной идентичности; формирование локального мифа, местной идеологии и массовой культуры; социально-экономическое развитие места в целом [26].

К этим символическим конструктам, служащим базисом городской идентичности, необходимо добавить такой фактор, как городской символ. М. В. Яковлева, исследуя данный феномен, под символом понимает некий объект (им становится определенная улица, площадь, памятник, получившие известность и признание горожан), который ассоциируется с городом и является первым, что вспоминается при мысли о нем [27].

П. Смит различает несколько уровней символизма, которые играют важную роль в городской среде [Цит. по: 28]. Наиболее простой уровень — уровень «ассоциативного символизма». Он подразумевает индивидуальные ассоциации, посредством которых каждый оценивает значимость определенных городских мест и объектов. «Окультуренный символизм» городской среды берет свое начало в истории культуры. Примером этого вида символизма служат кресты на башнях церквей — их значения и образы уже созданы ранее и предписаны нам. «Символизм известного» — это объекты, являющиеся символами района, улицы или квартала, а также исторические постройки и памятники разных эпох. Именно на этом уровне возможно формирование городской символики. Самый сложный уровень — «символизм архетипа». Архитектура города и исторические памятники сами по себе вызывают мысли о чем-то извечном, вневременном. Объекты, принадлежащие к этому типу, как правило, имеют значение не только для жителей этого города, но и для страны в целом или даже для мировой культуры.

Обобщая все перечисленные факторы, влияющие на городскую идентичность, можно выдвинуть тезис: представления горожан о городе (образ города) во многом формируются окружающей действительностью — характером городской среды, которая формирует символический капитал города. При этом в качестве «трансляторов» городской идентичности, служащих для ее репрезентации и поддержания, можно рассматривать воспроизведение локальных мифов и историй, обрядовые традиции (например, день города), создание элементов культурного ландшафта (памятники и т. п.). Поэтому уместно привести определение городской идентичности, данное Д. В. Визгаловым: городская идентичность — это символический, смысловой капитал города, определяемое им восприятие города жителями и их поведение по отношению к городу [29].

Визгалов выделяет факторы, оказывающие влияние на формирование городской идентичности:

стабильные факторы (структурные факторы): местоположение, климат и история города;

изменчивые факторы (изменяемые в долгосрочной перспективе): размер и население города, внешний облик города, благосостояние жителей, культурные традиции местного сообщества;

символические факторы — городская символика, политический климат, культурные коды поведения жителей, знаковые события, знаковые личности, мода на отдельные товары и услуги, характер коммуникаций внутри сообщества и др.

Кроме этого, можно выделить несколько параметров, которыми в той или иной степени измеряется сила городской идентичности:

уникальность города (способность горожан к видению и развитию уникальных черт и особенностей города, наличие уникальных культурных моделей поведения в городском сообществе);

тождественность восприятия города (понимание горожанами принадлежности их города к каким-либо внешним контекстам (стране, региону, типам городов);

позитивность восприятия города, внутренняя лояльность (степень любви и привязанности горожан к своему городу, интерес горожан к истории и культурной жизни города, уровень городского патриотизма);

сплоченность городского сообщества (общность интересов горожан, степень осознания общих проблем развития города, готовность и способность к реализации совместных инициатив, уровень симпатии к землякам);

практический потенциал идентичности (способность городского сообщества к самоорганизации, уровень социальной активности, действенное стремление сообщества к усилению городской идентичности, понимаемая и поддерживаемая местным сообществом суть, идея, стратегия развития города) [29].

Таким образом, городская идентичность рассматривается как понятие, отражающее аспект идентификации человека с городской общностью, выделяемой по признаку городской принадлежности и отличной от социальных общностей других городов и сельской местности. При этом в качестве основы формирования и поддержания городской идентичности выступает образ города, городской символ, его знаковые места и локальные мифы, а также характеристики городского пространства и представления о нормативном образе жизни в нем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коган Л. Б. Быть горожанами. М. : Мысль, 1990.
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI, 2005. С. 258.
3. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб. : Речь, 2011.
4. Uzzell D., Pol E., Badenas D. Place Identification, Social Cohesion and Environmental Sustainability // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. P. 26.
5. Жирякова С. Н. Столичность и провинциальность как показатели территориального сообщества // Регионоведение. 2008. № 2. С. 318.
6. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб. : Питер, 2000.
7. Габидуллина Г. Р. Особенности изменения образа жизни городской и сельской молодежи в условиях трансформации российского общества : автореф. дисс... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009. С. 12.
8. Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4.
9. Ефремова Ж. Д. Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города : автореф. дисс... канд. социол. наук. М., 2006. С. 16.
10. Акопов Г. В. Российское сознание: историко-психологические очерки. Самара : СамГПУ, 2002. 90 с.
11. Каганский В. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006. № 5.
12. Иванова Т. В. Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара : Изд-во СамЦ РАН, 2003. 198 с.
13. Дзякович Е. В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 27.
14. Дзякович Е. В. Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена [Электронный ресурс]. Режим доступа: teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya/dzyakovich.pdf (дата обращения: 02.02.2012).
15. Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 19.
16. Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. СПб. : Речь, 2004. 239 с.

17. Заборова Е. Н. Горожанин в городе. Екатеринбург : Б.И., 1996.
  18. Valera S., Guardia J. Urban Social Identity and Sustainability // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. P. 81—82.
  19. Borer M. The Location of Culture: The Urban Culturalist Perspective // City and Community. 2006. Vol. 5(2). P. 173.
  20. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология : учеб. пособие для высших учебных заведений. М. : Наука, 1994. С. 65.
  21. Garcia I., Guliani F., Wiesenfeld E. The place of theory in community social psychology: Community and sense of community. Mexico: Universidad de Guadalajara, 1994. P. 75.
  22. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М. : Стройиздат, 1982.
  23. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. С. 48.
  24. Замятин Д. Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып 2. М. : Институт Наследия, 2005.
  25. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3.
  26. Замятина Н. Ю. «Гений места» и развитие территории (на примере уроженца Хвалынска художника К.С. Петрова-Водкина) // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 6. М. : Институт Наследия, 2010. С. 71.
  27. Яковлева М. В. Особенности социологического анализа городской символики как фактора формирования идентичности горожан // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 1. С. 84.
  28. Цит. по: Личность и социальная среда: идеологические и психологические аспекты общения / под ред. О. Т. Мельникова. М. : Мысль, 1987. С. 69.
  29. Визгалов Д. В. Брендинг города. М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. С. 39.
1. Kogan L. B. Byt gorozhanami. М. : Mysl, 1990.
  2. Florida R. Kreativny klass: lyudi, kotorye menyayut budushee. М. : Klassika XXI, 2005. S. 258.
  3. Miklyaeva A. V., Rummyantseva P. V. Gorodskaya identichnost zhitelya sovremenno megalopolica: resyrs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska? Spb. : Rech, 2011.
  4. Uzzell D., Pol E., Badenas D. Place Identification, Social Cohesion and Environmental Sustainability // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. P. 26.
  5. Zhiryakova S. N. Stolichnost i provintsialnost kak pokazateli territorialnogo soobshchestva // Regionologia. 2008. № 2. S. 318.
  6. Milgram S. Eksperiment v sotsialnoi psikhologii. Spb. : Piter, 2000.
  7. Gabidullina G. R. Osobennosti izmeneniya obraza zhizni gorodskoi i selskoi molodezhi v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva : avtoref. diss... kand. sotsiol. nauk. Ekaterinburg, 2009. S. 12.
  8. Vagin V. V. Russki provintsialny gorod: klyuchevye elementy zhizneustroistva // Mir Rossii. 1997. № 4.
  9. Efremova Zh. D. Formirovanie i funktsionirovanie mentaliteta naseleniya malogo provintsialnogo goroda : avtoref. diss... kand. sotsiol. nauk. M., 2006. S. 16.
  10. Akopov G. V. Rossiyskoe soznanie: istoriko-psikhologicheskie ocherki. Samara : SamGPU, 2002. 90 s.
  11. Kaganski V. Rossiya. Provintsiya. Landshaft // Otechestvennye zapiski. 2006. № 5.

12. *Ivanova T. V.* Gorodskaya mentalnost kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya. Samara : Izd-vo SamTs RAN, 2003. 198 s.
13. *Dzyakovich Ye. V.* Lokalnaya identichnost kak sotsiokulturny fenomen sovremennoy rossiyskoi provintsii // *Observatoriya kultury*. 2010. № 5. S. 27.
14. *Dzyakovich E. V.* Podhody k issledovaniyu provintsii kak sotsiokulturnogo, mentalnogo i krossregionalnogo fenomena [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: teoriapractica.ru/-4-2010/sociologiya/dzyakovich.pdf (data obrashcheniya: 02.02.2012).
15. *Inyushkin N. M.* Provintsialnaya kultura: vzglyad iznutri. Penza, 2004. S. 19.
16. *Shteinbakh Kh. E., Elenski V.I.* Psikhologiya zhiznennogo prostranstva. Spb. : Rech, 2004. 239 s.
17. *Zaborova Ye. N.* Gorozhanin v gorode. Ekaterinburg, 1996.
18. *Valera S., Guardia J.* Urban Social Identity and Sustainability // *Environment and Behavior*. 2002. Vol. 34. P. 81—82.
19. *Borer M.* The Location of Culture: The Urban Culturalist Perspective // *City and Community*. 2006. Vol. 5(2). P. 173.
20. *Diligenski G.G.* Sotsialno-politicheskaya psikhologiya : ucheb. posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedeni. M. : Nayka, 1994. S. 65.
21. *Garcia I., Guliani F., Wiesenfeld E.* The place of theory in community social psychology: Community and sense of community. Mexico : Universidad de Guadalajara, 1994. P. 75.
22. *Linch K.* Obraz goroda / per. s angl. V.L. Glazycheva. M. : Stroyizdat, 1982.
23. *Zamyatin D. N.* Gymanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov. Spb. : Aleteiya, 2003. S. 48.
24. *Zamyatin D. N.* Lokalnye istorii i metodika modelirovaniya gumanitarno-geograficheskogo obraza goroda // *Gymanitarnaya geografiya: nauchny i kulturno-prosvetitel'skiy almanakh*. Vyp 2. M. : Institut naslediya, 2005.
25. *Zamyatin D. N.* Gymanitarnaya geografiya: prostranstvo, vobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennykh gumanitarnykh nauk // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2010. T. 9. № 3.
26. *Zamyatina N. Yu.* «Geni mesta» i razvitie territorii (na primere urozhentsa Hvalynska hudozhnika K.S. Petrova-Vodkina) // *Gymanitarnaya geografiya: nauchny i kulturno-prosvetitel'skiy almanakh*. Vyp 6. M. : Institut naslediya, 2010. S. 71.
27. *Yakovleva M. V.* Osobennosti sotsiologicheskogo analiza gorodskoi simvoliki kak faktora formirovaniya identichnosti gorozhan // *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*. 2008. № 1. S. 84.
28. *Lichnost i sotsialnaya sreda: ideologicheskie i psikhologicheskie aspekty obsheniya / pod red. O. T. Melnikova*. M. : Musl, 1987. S. 69.
29. *Vizgalov D. V.* Brending goroda. M. : Fond «Institut ekonomiki goroda», 2011. S. 39.

© Дягилева Н. С., Журавлева Л. А., 2012

Поступила в редакцию
в феврале 2012 г.

УДК 727.1(09)(470.45)

*П. П. Олейников,
М. В. Шубина*

**ШКОЛЫ ДОВОЕННОГО
СТАЛИНГРАДА**

Рассматривается роль и место школ в формировании архитектурного пространства довоенного Сталинграда, публикуются эксклюзивные фотографии из личного архива архитектора Е. Евдокимовой, принимавшей участие в разработке проекта школы в Нижнем поселке Сталинградского тракторного завода.

Ключевые слова:

Сталинград,
архитектура,
художник,
школа,
фреска.

*P. P. Oleinikov,
M. V. Shubina*

**SCHOOLS OF PREWAR
STALINGRAD**

Role and place of schools in the formation of the architectural space of the prewar Stalingrad are considered. Exclusive photos from personal files of architect Ye. Yevdokimova which were helped develop of school project on the Lower village of Stalingrad tractor factory are published.

Key words:

Stalingrad,
architecture,
painter,
school,
fresco.

Значительные события, происходившие в Сталинграде в 30-е годы XX века, такие как появление крупнейших промышленных предприятий — тракторного завода, судовой верфи, Сталинградского ГРЭС, — реконструкция металлургического завода и оружейных заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», а также перенос центра Нижне-Волжского края из Саратова в Сталинград в 1932 г. радикально изменили социальную структуру города. Сталинграду с приобретением нового статуса крупнейшего промышленного и регионального центра требовались изменения в градостроительной политике, связанной с увеличением численности и изменением качественного состава населения. Основная часть рабочих промышленных предприятий — в недавнем прошлом сельские жители — не были адаптированы к жизни в городе, и освоение нового для них урбанистического стиля жизни было сложной социальной проблемой.

Одним из методов ее решения был принципиально новый способ социалистического расселения, совмещенный с созданием своеобразных точек общественного притяжения, которые могли бы выполнять функцию культурно-образовательных центров. В значительной степени эту роль выполняли школы, которые были не просто образовательными учреждениями, но выполняли функцию новых социокультурных доминант, предназначенных для одновременного решения нескольких задач. Помимо обучения, школы выполняли функцию социализации молодежи, формирования новых общественных ценностей, являлись местом социальных коммуникаций новых горожан.

Следует добавить, что в 1930-е гг. были распространены проектные эксперименты, воплощенные в архитектурной и градостроительной практике, и Сталинград был одним из полигонов для воплощения социальных идей. Газета «Борьба» летом 1929 года писала: «Сталинград через известное время должен стать образцовым, подлинно социалистическим городом, таким городом, о которых лишь много писалось и говорилось, но которых у нас еще нет. Настал момент реализовать проекты городов будущего» [1]. Архитектурные проекты, в данном случае школы, в социальной и градостроительной структуре го-

рода являлись важным элементом нового, образцового города будущего и выполняли важную идеологическую функцию.

Высокие темпы и масштабы инвестиций школьного строительства в 1930-е гг. впечатляют до сих пор. В течение этого десятилетия было построено 99 школ, а в пик строительства, в 1936 г., возвели 20 больших школ, и объем финансирования на эти цели составил 12 млн 30 тыс. руб.¹

Школы, в основном, строились по типовым проектам, но значительное внимание уделялось элитным образцам — школам будущего. Так, весной 1936 г. по рекомендации наркома просвещения Бубнова по проектам 1-й мастерской Московского архитектурного института строились несколько школ, которые отличались лучшим архитектурным оформлением и несколько иной конфигурацией здания, хотя объем помещений был такой же, как и в типовом проекте.

Руководителем 1-й архитектурной мастерской при Московском архитектурном институте (проектная мастерская Наркомтяжпрома) с 1934 г. был инженер-архитектор И. С. Николаев, творчество которого оставило заметный след в архитектурном облике довоенного Сталинграда. Коллектив под его руководством разрабатывал проекты реконструкции Сталинградского тракторного завода (СТЗ), проходные и площадь перед СТЗ, дома отдыха инженерно-технических работников СТЗ в Латошинском саду, проекты цветового решения заводских зданий и др. Именно в 1-й архитектурной мастерской и были выполнены проекты школ на СТЗ, после реализации которых они стали считаться лучшими в городе. Этому также способствовало приглашение из Москвы дирекцией тракторного завода одного из крупнейших мастеров художественной росписи Л. А. Бруни для росписи фасадов новых школ. Синтез архитектуры и живописи, комплексное решение архитекторами и художниками вопросов проектирования и оформления стали отличительными чертами вновь выстроенных зданий в поселках Сталинградского тракторного завода.

Об авторах:

Олейников Петр Петрович — кандидат технических наук, доцент, декан архитектурного факультета, ВолГАСУ

Oleinikov Petr Pertovich — Candidate of Engineering Science, Assistant Professor, dean of architecture department, VSUACE

Шубина Мария Владимировна — кандидат технических наук, доцент МГУ

Shubina Mariya Vladimirovna — Candidate of Engineering Science, Assistant Professor, Moscow State University

¹ Если в довоенном Сталинграде строились десятки школ в год, то за последнее десятилетие в Волгограде не построено ни одной школы. Последняя постройка — школа в Советском районе города (о. Сарпинский) — была введена в 2001 г.

Первой школой, построенной по индивидуальному проекту архитектурной мастерской и оформленной художниками, стала школа им. Серго Орджоникидзе (рис. 1). Ее ввели в эксплуатацию 5 августа 1935 г., она стала украшением района. После возведения школы им. Орджоникидзе ее фриз был расписан фресками, сделанными по эскизу художника Л. Бруни, с изображением сцен из жизни школьников и нескольких сцен из древней истории (рис. 2). Вход имел парадную лестницу, перед которой был устроен фонтан, в фойе школы установлены скульптуры Сталина и Орджоникидзе. В настоящее время в этом здании расположена средняя школа № 12 Тракторозаводского района Волгограда.

Рис. 1. Школа им. С. Орджоникидзе. 1935 г. Архитектор И. Николаев

Рис. 2. Деталь росписи фронтона школы. 1935 г. Художник Л. Бруни

К началу 1936 учебного года в поселке СТЗ были построены еще две школы, разработанные молодыми архитекторами М. Сергеевым и Е. Евдокимовой под руководством И. Николаева. Строительство осуществляла строительная организация «Южмонтажстрой», имеющая опыт только промышленного строительства, но построившая школы за 3,5 месяца.

Творческое содружество архитектора Е. Евдокимовой и художников С. Павловского и А. Сахнова, которые не уходили с лесов, пока не были сделаны последние фрески, привело к успеху в реализации замысла авторов.

Фойе первого этажа выполнено в едином стиле с внешним оформлением, фресками расписаны плафоны (рис. 3). Центральный вход и фасад школы в Нижнем поселке СТЗ решены в классических обломах, грамотно проработаны архитектурные детали. Карнизы, решетки, вазы решены тонко, изящно, (рис. 4).

Рис. 3. Школа им. Горького в Нижнем поселке СТЗ. Интерьеры. 1936 г. Архитекторы Е. Евдокимова, И. Николаев, художники С. Павловский, А. Сахнов (частный архив Е. Евдокимовой)

Рис. 4. Школа им. Горького в Нижнем поселке СТЗ. Общий вид. 1936 г. Архитекторы Е. Евдокимова, И. Николаев, художники С. Павловский, А. Сахнов (частный архив Е. Евдокимовой)

Сейчас в здании довоенной школы им. Горького по ул. Тракторостроителей, 15 расположена школа № 4 Тракторозаводского района. Архитектура здания полностью соответствует довоенной, но росписи фасадов так и не восстановлены (рис. 5).

В начале августа 1936 г. была построена школа им. Сталина в Верхнем поселке Сталинградского тракторного завода (рис. 6) [2]. Здание вошло в ансамбль Предзаводской площади и имело более величественный, монументальный вид по сравнению с другими школьными зданиями. Автором проекта стал заместитель руководителя мастерской Московского архитектурного института архитектор М. Сергеев. Росписи выполнили художники В. Эльконин и С. Соколов.

В период Сталинградской битвы здание школы им. Сталина сильно пострадало (рис. 7) [3], но было восстановлено (рис. 8), и сейчас это одно из немногих зданий Волгограда, в архитектуре которого можно видеть стилевую направленность построек 1930-х годов.

Рис. 5. Школа № 4 Тракторозаводского района. Фото 2011 г.

Рис. 6. Школа им. Сталина в Верхнем поселке СТЗ. 1936 г. Архитекторы М. Сергеев, И. Николаев, художники В. Эльконин, С. Соколов

Рис. 7. Школа им. Сталина после Сталинградской битвы

Волгоградская областная дума постановлением № 62/706 от 05.06.97 утвердила список памятников истории и культуры Волгоградской области, подлежащих государственной охране как памятники местного значения. В этот список вошло и здание бывшей школы им. Сталина, а сейчас — лицея № 3 Тракторозаводского района [4].

Рис. 8. Лицей № 3 Тракторозаводского района Волгограда. Фото 2011 г.

После окончания Сталинградской битвы многие школы города восстанавливались в первую очередь, были восстановлены и школы в поселках СТЗ. Однако росписи стен не были восстановлены.

Возможно ли сейчас сделать росписи фасадов и интерьеров школ, попытаться воссоздать дух времени 1930-х годов? На наш взгляд, это очень актуально для той социальной среды, которая сложилась в Нижнем поселке тракторного завода. Поселок сейчас отнесен к категории объектов, охраняемых государством, но находится в достаточно запущенном состоянии. Многие здания требуют капитального или косметического ремонта, бывший Дом культуры тракторного завода закрыт и постепенно разрушается. Удаленность от центральной части района и города, плохое состояние общественно-культурной среды не лучшим образом сказываются и на процессах воспитания подрастающего поколения в поселке. В этой связи восстановление первоначального облика здания школы станет своевременным и важным шагом в деле воспитания молодежи.

Сейчас Комитетом по градостроительству и архитектуре Волгограда заявлено, что в 2012 г. начнется строительство нескольких 20-этажных жилых домов в Нижнем поселке в Тракторозаводском районе. С введением их в эксплуатацию возрастет и число школьников в поселке, т. е. влияние такого образовательного учреждения, как школа № 4, будет возрастать. Учитывая это, следует, на наш взгляд, привлечь застройщика жилого поселка к решению проблем, стоящих перед школой, в частности восстановлению росписей.

На наш взгляд, к этой работе можно привлечь студентов и преподавателей Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета, которые смогут взять на себя ответственную миссию по восстановлению

росписей фасадов и интерьеров одной из лучших школ довоенного Сталинграда, а сейчас школы № 4 в Тракторозаводском районе Волгограда. Эта работа позволит не только улучшить архитектурный облик самой школы, но создать социальные предпосылки для понимания важности сохранения нашего культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Превратим Сталинград в образцовый, подлинно социалистический город (из речи наркомвнудела тов. Толмачева на объединенном пленуме горсовета и окрисполкома) // Борьба. 1929. 21 июля.
2. Сталинградская правда. 10 августа 1936 г.
3. Архив Музея-заповедника «Сталинградская битва».
4. Свод историко-архитектурного наследия Царицына — Сталинграда — Волгограда (1589—2004 гг.) / С. Аргасцева, Л. Гуренко, Е. Жорова и др. Волгоград, 2004.

1. Prevratim Stalingrad v obraztsovy, podlinno sotsialisticheski gorod (iz rechi nar-komvnudela tov. Tolmacheva na obedinennom plenumе gorsoвета i okrispolkoma) // Borba. 1929. 21 iyulya.
2. Stalingradskaya Pravda. 10 avgusta 1936 g.
3. Arhiv Myzeya-zapovednika «Stalingradskaya bitva».
4. Svod istoriko-arkhitekturnogo naslediya Tsaritsyna — Stalingrada — Volgograda (1589—2004 gg.) / S. Argastseva, L. Gurenko, Ye. Zhorova i dr. Volgograd, 2004.

© Олейников П. П., Шубина М. В., 2012

*Поступила в редакцию
в марте 2012 г.*

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде (2 экз.) в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://vgasu.ru/attachments/ld-blank.pdf> 2) анкеты автора (*скачать бланк* <http://vgasu.ru/attachments/pdsog.pdf>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. —

от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jrg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРИВОДИТСЯ ДВАЖДЫ. ВО ВТОРОМ ВАРИАНТЕ ВСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ТРАНСЛИТЕРИРУЮТСЯ (пишутся латинскими буквами). Например: *Fedorov I.B. Problemy vysshego inzhenerenogo obrazovaniya v Rossii*. М. : Znaniye, 2005. S. 13—15. (Внимание! Не следует переводить на английский язык!). Инструкцию по транслитерации можно скачать здесь <http://vgasu.ru/attachments/translit.pdf>. ЗАПИСИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ПРОСТО ПОВТОРЯЮТСЯ.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство современного города.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: info@vgasu.ru** (в теме указать: *для Б.А. Навроцкого*).

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

---

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2012. № 1

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Переводчик *Н.И. Копина*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 30.03.2012.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 5,0. Усл. печ. л. 6,1. Тираж 500 экз. Заказ № 17

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1